

ВИКТОР МАХРОВ

Консервы

2016
Выкса

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Вы держите в руках первый персональный сборник произведений Виктора Махрова. Здесь вы сможете прочесть как рассказы, так и стихи этого молодого автора и, прочитав, поймёте, что любая из этих ипостасей ему по плечу.

Я познакомилась с творчеством Виктора около семи лет назад, и уже тогда его проза и поэзия заставили обратить на себя внимание как вещи хоть и недостаточно «спелые» в техническом плане, но бесспорно талантливые. Кстати, автор сам очень скоро отлично поработал над умением оттачивать технику написания, и его последующие произведения подтвердили: он — настоящий, талантливый самородок. Плюсом к этому отмечена огромная работоспособность автора: пишет он много, на жизненные и волнующие темы, и каждое произведение отличается особым чувством и особым стилем пера. Здесь буду права, если скажу: Бог не ошибся, вложив в ум и душу молодого человека большой самобытный талант.

Не единожды автор оказывался в числе победителей проходившего в Выксе конкурса молодых поэтов и писателей «Проба пера». В текущем году он одержал победу на всероссийском конкурсе молодых писателей в Большом Болдине. Сегодня же я очень рада, что творчество Виктора нашло выход в свет в виде первого сборника. Уверена, что с ним он получит признание не только братьев по перу, но и простых читателей, чей суд всегда оказывается гораздо строже и требовательней.

А самому Виктору хочу пожелать ни в коем случае не оставлять свой талант, продолжать писательскую деятельность. Ведь у того душа богата новыми темами для рассказов и стихотворными строками, кто видит вокруг интересные для читателей сюжеты. А он не обделён такой способностью — видеть и писать.

*Наталья Сынкova,
член Союза писателей России*

Сюж

Сотрудники кафе уже снимали со стен и потолка воздушные шары, картонные плакаты и мишуру, а за одним из столов все еще продолжали встречу выпускников двое подгулявших мужчин. Никто из официантов не осмеливался выказывать недовольство затянувшейся трапезой — слишком влиятельные люди. И если Анатолия Макарова, ведущего литературного и музыкального критика, здесь могли и не знать в лицо, то про Осокина Владимира был наслышан, наверное, каждый житель городка. Хоть тот и не был завсегдатаем скромного даже по провинциальным меркам кафе — слава о таких людях разносится быстро. Вот и о самом состоятельном бизнесмене области ходили различные слухи, не всегда приятные и почти всегда ложные.

Официант забрал со стола початую бутылку водки, взамен принес коньяк и свежий салат.

Осокин приобнял товарища, разлил по стопочкам и, оглядывая помещение, чуть пьяным голосом выдал очередную подколку: «Ну и кафе ты выбрал! Натуральный трактор». Владимир, унаследовавший от родителей склонность к полноте, легко сгреб огромными ладонями худое тело товарища. Занятия спортом не прошли даром, и, хоть последние несколько лет походы в зал имели лишь эпизодический характер, Владимир по-прежнему был в форме. Ну а живот, предательски нависший над ремнем, — успешному бизнесмену он только к лицу.

А ведь когда-то спортивную карьеру в большей степени предрекали Макарову. С детства высокий и худощавый Толя был невероятно подвижен, достаточно быстр и резок, легко обгоняя на школьных соревнованиях своих сверстников и даже многих старшеклассников. Кто знает, как сложилась бы его жизнь дальше, не будь тяжелого перелома ноги в седьмом классе. О занятиях спортом пришлось забыть: перебороть страх новой травмы оказалось слишком сложно. Но и сейчас, почти 30 лет спустя, Анатолий оставался таким же поджарым и даже излишне суховатым, как казалось его бывшей жене.

А кафе «Березка», где подошел к концу долгожданный вечер встреч, действительно было вариантом, что называется, бюджетным. Не для крутых. Уютно, но не более.

Плакат из ярко-алой материи с золотыми буквами медленно опустился прямо в центре танцпола. «Выпускник-1990» — продолжал вещать он, даже лежа на полу.

— Мы с ребятами стараемся жить и отдыхать по средствам, — ответил такой же подвыпивший Макаров, начинающий уставать от нападок старого товарища.

— Да ты не обижайся, Толя. Я не в обиду. Понять не могу, почему мне не позвонил, у меня не спросил. Я понимаю, ребята не хотят тратиться на встречу выпускников. Я бы помог, все оплатил, — довольный собой Осокин осмотрел на предмет случайных пятен свой дорогой костюм, сшитый на заказ специально к вечеру встреч.

— Все бы тебе деньгами кидаться, Володя. — Макаров с трудом высвободился из объятий друга. — Кафе здесь хорошее, у Любы Ивановой тут дочка работает, она договорилась. И к школе нашей близко. И Валентине Николаевне тоже. Она не ты, на БМВ не ездит.

— Как и ты, — снова поддел Володя.

Макаров лишь грустно развел руками и иронично улыбнулся. Мужчины звонко чокнулись стопочками из зеленого стекла и опустошили их. Осокин незамедлительно разлил по новой и только после этого закусил.

— На все-то у тебя есть ответ, всегда. Всем ты пытаешься угодить! — не унимался Осокин.

— Так же, как и ты.

— Для всех мил не будешь, хоть ты и стараешься.

— Только не заводи старую песню, — Анатолий наигранно закрыл лицо руками, показывая собеседнику абсурдность его речи.

— А что? Боишься неутешительных результатов? — продолжал наседать Осокин. — Толя Макар боится проиграть Осокину?! Ха, даже не верится!

— Ничего я не боюсь. Просто это ребячество. Давно пора стать взрослым, Володя.

— А я стал, — как-то вдруг серьезно и практически трезво заявил Владимир. — Как ты заметил, на БМВ ездю. Но про школьного своего товарища тире соперника не забыл. Не получается. Даже Валентина нас сегодня обоих лучшими называла: «Толя Макаров и Володя Осокин — гордость нашей школы!»

— Ты сегодня сколько выпил, Володя? — Макаров попытался перевести назревающий спор в шутку.

— Сколько и ты, Толя! Давай, кстати, по второй! — рюмки снова звякнули, мужчины выпили. — А ты сколько фантов выиграл за вопросы викторины? Считал ведь, я уверен, и свои, и мои считал.

...Володя Осокин и Толик Макаров. Они сошлись... Точь-в-точь как у Геня. Сама судьба их свела. Они не были ни друзьями, ни врагами. И одновременно являлись ими. Так случается, когда в коллективе появляется двое успешных людей, два ярких и амбициозных лидера. На заре девяностых школе, где учились ребята, повезло наблюдать настоящую дуэль характеров, талантов, стремлений. Начавшись в младших классах, она тянулась до самого выпускного вечера.

Один — настоящий гений математики и экономики, настоящий лидер, не терпящий конкуренции и привыкший побеждать. Другой будто родился со словарем и хрестоматией, мастер слова и прирожденный дипломат. Порой их спор велся заочно: каждый добивался успеха в том, что ему ближе. Порой вражда была открытой и слишком сильной, и тогда на драку, как обычно, назначенную после уроков за гаражами, сбегались посмотреть все школьники, начиная с пятых классов. До драки, впрочем, доходило не всегда. Но уж если доходило!

Самое забавное, что Макаров и Осокин не только практически синхронно добивались побед и школьной славы, но и проваливались почти всегда одновременно, отчего их соперничество приобретало оттенок настоящей погони друг за другом.

— Ты умный парень, Толька. Не глупее меня.

— Научный факт, — едва ли не впервые за вечер согласился с собеседником Макаров.

— Ну так согласишься, что к сорока годам я тебя уделал! — радостно выпалил Владимир. Он с нетерпением смотрел на Анатолия, но, видимо, тот исчерпал дневной лимит тем, по которым он мог бы согласиться с товарищем.

— Это в чем же?

— Да буквально во всем! Начнем хоть с женщин.

— С каких женщин? — недоуменно огляделся Макаров, пытаясь найти этих самых женщин рядом с собой.

— Со мной Анька с первым танцевала. — Владимир щелкнул пальцами у носа Анатолия и откинулся на спинку стула с видом победителя.

— Ты про Смирнову что ли? — изумился Макаров.

— Не прикидывайся, глазки-то по-прежнему горят при виде первой любви.

— Ты за своими глазками следи!

— Так я и не... — запнулся Владимир. — Но танцевала она со мной первым. А ты, как обычно, на закуску. — Чувство эйфории отразилось румянцем на его лице.

— С тобой первым танцевала, тебя же первого и «отбрила». Все как в школе. — Подобно Анечке Смирновой «отбрил» Анатолий оппонента.

— Ты не большего добился, — обиженно проговорил бизнесмен.

— Ну, Смирновой что бизнесмен на БМВ, что поэт на трамвае — без надобности.

— Зато за Витькой как хвост. И что только нашла в нем?

Засидевшиеся выпускники снова выпили и, хоть тост и был за дам, сделали это не чокаясь.

Аня Смирнова — муза, объект несмелых юношеских грез, первая

любовь! У каждого из мужчин были свои воспоминания о ней, свои мотивы любить и недолюбливать ее, невидимые нити, тянувшиеся со школьных времен. Но в одном они сходились: каждый вспомнил свою одноклассницу по-настоящему милой и общительной девушкой, которая заставляла трепетать любого, кто приближался к ней.

Аня Смирнова была той, чье внимание нужно было заслужить. Она была тем трофеем, который поставил бы точку в затянувшемся споре двух героев школы. Но, обведенные вокруг пальца каждый в свое время, Макаров и Осокин с открытыми от удивления ртами наблюдали за тем, как их милая и прекрасная одноклассница начала встречаться с хулиганом Витькой из соседней школы. Недели ухаживаний, преследования, цветы, подарки и даже две драки ничего не дали — Анька так и осталась неприступной преградой что для одного, что для другого.

— Как жена? — прерывая затянувшееся молчание, спросил Толя.

— Ну и шуточки у тебя! Три года как развелись. Стерва страшная!

— Знакомая история.

Получив отворот-поворот от Анечки Смирновой, Володя и Толя не перестали пользоваться популярностью у остальных представительниц противоположного пола. Девушки щедро одаривали юношей своим вниманием как в школе, так и вне школьных стен. Тем удивительнее было то, что оба успели познать всю прелесть жизни в браке еще будучи студентами.

Макаров женился на давней знакомой, дочери друга семьи, поддавшись наконец ее чарам на одной из вечеринок. Осокин же взял в жены хорошенькую однокурсницу. А всего через два месяца вылетел из института.

Практически синхронно став отцами (тут Осокин может считать себя победителем: его сын появился на свет на три недели раньше, да и был значительно крупнее сына Анатолия), товарищи и отцами-одиночками оказались почти одновременно. С той лишь разницей, что Владимиру пришлось пережить длительную судебную тяжбу с бывшей женой, которой отошла часть бизнеса, и даже права на ребенка пришлось отстаивать. Жившего куда более скромно Анатолия жена, уставшая от постоянных лишений, бросила вместе с сы-

ном без всяких судов. И вообще без лишних объяснений — просто исчезнув из их жизни октябрьским днем три с лишним года назад.

— Наслышан, — разливая, усмехнулся Осокин. — И о супруге наслышан, и о разводе, и о похождениях любовных. Правда, без подробностей.

Владимир предложил коньяк другу.

— Да какие там подробности, — Анатолий махнул рюмку и закусил. — Жена ушла к другому — вариант, значит, нашелся.

— Иначе бы не ушла, — резюмировал Владимир.

— Вот и не уходила семнадцать лет. Терпела.

— Или подыскивала.

— А похождения... — литератор грустно улыбнулся, задумавшись о чем-то своем. — Ну, какие похождения. Тут и рассказать нечего.

— Прямо уж и нечего? — подбадривая и требуя подробностей, выспрашивал Осокин.

— Есть девчужка. Молодая, красивая, умная. Секретарь у нас в клубе литераторов.

— Секретутка, значит.

— Ну, это ты зря. Хорошая девушка. С достоинством, — теперь уже весело улыбнулся Анатолий.

— Я не сомневаюсь, — бизнесмен выпил свой коньяк и еще более захмелел. — Без обид, сам только с секретаршей и способен нынче. Тоже, скажу, не без достоинств. — Владимир сделал характерный жест, указывающий на пышные формы своей возлюбленной. — Тут у нас, пожалуй, ничья выходит.

— Так я и по другим критериям тебе ни в чем не уступлю, Володя. — Анатолию не хотелось себе признаваться, но где-то в подсознании ему хотелось продолжить этот спор. Доказать себе, что он не хуже. Володьке-то все равно не докажешь! Все-таки этого спора не хватало им обоим, он мотивировал их, питал новыми стремлениями.

— Да? А вот возьмем хоть торжество сегодняшнее. Кафе — трактир натуральный! Официанты, — Осокин даже не удосужился снизить голос, так еще и оглянулся на персонал, суется у столиков, — ну ужас же! По остаточному принципу в официанты идут,

от того, что больше ничего не умеют! Танцы эти, конкурсы дурацкие. А подарок? Ну что это, ну? Мультиварка...

— Ты бы что подарил?

— Да что угодно! Хоть путевку в кругосветку! Каково, а?

— Валентине в кругосветку? — едва не прыснул от смеха Макаров. — Она мультиварку за три тысячи брать отказывалась, а ты — кругосветное путешествие.

— Тогда на наш курорт, — не желал отступить со своих позиций обиженный бизнесмен. — Сочи, Анапа, Крым.

— С ее-то ногами и тамошним сервисом? Не смейся. Через день бы домой запросилась, да еще прокляла бы всех нас.

— Это она может, — пришла пора Владимиру согласиться с товарищем.

— А готовить она любит. Вспомни, вторая страсть для нее после литературы. Братя не хотела, но взяла, и рада очень. А с путевкой — как пить дать прокляла бы. Так что, Вова, и этот пункт бит. Будем! — довольный собой и своей маленькой победой, провозгласил короткий тост Анатолий.

— Не соглашусь, но будь по-твоему. — Выпил и Осокин. — Козырей у меня еще достаточно.

— Ну-ка, ну-ка.

— Престиж. Меня, Толя, каждая вошь в области знает. А в бизнес-кругах и весь округ. Я лицо узнаваемое! Любая дверь, веришь? Нет? Любая открыта, когда имеется карта-gold и пара миллионов мелочью в кармане. И все сразу есть: и связи, и нужные знакомства, и друзья по всей России! — Разгоряченный Осокин разве что пальцем в глаз не засадил товарищу, так оживленно жестикулировал.

— А качество дружков каково, Володя? — без промедления парировал одноклассник. Количество выпитого давало о себе знать, речь становилась все менее четкой, излишне громкой. — Тебя же самого, небось, воротит от этих морд. Воры, жулье, менты, чинуши, халдеи, шестерки — не к тому стремились, Володя! А в газетах областных меня, может, и реже тебя упоминают, зато в приличном контексте. Я детские сады в магазины не переделываю.

— Чертовы писаки. Поймать бы этого журналиста! Больно смелые стали!

— Кстати, мой знакомый. Молодой совсем, а какой напор! К слову о знакомствах, — назидательно добавил литератор.

Мужчины подозвали официантку, и та сменила пустую бутылку на свежую. Открывать ее, впрочем, одноклассники не спешили. Анатолий, всегда являвшийся более тонким дипломатом, предложил оставить спор. На успех он, конечно, не рассчитывал.

— Пора закругляться. Спор этот ни к чему не приведет. Каждый, как обычно, останется верен себе. Как мальчишки. Да и что спорить? Мы с тобой равны, как близнецы, признай это хотя бы к сорока годам.

— Ты на меня не дави. Сам вижу, что ты от меня не отстаешь, но вот чувствую, понимаешь, что в чем-то я лучше.

— В прошлом мы равны. Сейчас равны. В мелочах и частностях лучше то один, то другой. Мы как братья, ей богу. Был бы ты не такой гадкий тип, я бы тебя за брата почитал. Я даже могу попытаться угадать твои мысли.

— Ну-ка, — Владимир недоверчиво посмотрел на товарища — вдруг тот начал бредить после выпитого. Даже поводит ладонью у его лица, но Толя лишь отмахнулся.

— Не эти твои, пьяные. Тебя во хмелю сам черт не разберет. А те, которые где-то глубоко сидят, которые ты сам от себя прячешь, а от других подавно.

Владимир усмехнулся и движением руки предложил однокласснику продолжить свою мысль.

— Вот я писатель и критик. Лучший в своем деле на много верст вокруг, как говорится. Везде у нас дорога, кругом у нас почет. Где-то меня любят, много где уважают, кое-где платят приличные гонорары. Состоялась карьера, все хорошо. А я все равно живу в страхе. Каком? Да боюсь, что все в одночасье рухнет. Все, чего добивался многие годы, все разом не будет стоять ничего. Ни в рублях, ни в долларах, ни даже в памяти преданных поклонников. Мир наш крайне хрупок. Завтра появится новый молодой, дерзкий писатель и все. Все! Пиши пропало. Где взять дерзости, где занять молодости, у кого попросить новизны? Мы стареем! А ведь

они уже появляются! И с ними появляются седые волосы. И рубцы на сердце.

Врут писатели, что страх нас стимулирует. Врут философы, что конкуренция гонит нас вперед. Когда тебе сорок и ты наверху, хочется спокойствия. А они уже пишут! Они уже строят свой бизнес!

Или, еще лучше, нажмут сверху. У нас такое сплошь и рядом, признай. Стал не угоден — прощай. И все, ничего уже не вернешь, не успеешь просто.

Вот она, жизнь. Вроде на вершине, а на деле — между двух огней. Снизу голодный конкурент цепляется за твои пятки, сверху голодный аппарат выкручивает твои уши. И не понятно, кто из них голоднее.

— Черт, прямо в точку. Каждый день как на иголках, — на лице Осокина застыло изумление. Невероятно точное попадание.

Нужно сказать, что Анатолий рассказывал не столько свои страхи, сколько надвигающуюся реальность. Его действительно прижимали, и непонятно, откуда — сверху или снизу. Но на семинары и встречи стали звать реже, напечатать отзыв или рецензию в журнале вдруг стало проблематично, гонорары, которых и раньше-то с трудом хватало, становились еще меньше.

Макаров сильно удивился бы, узнай он, что и у товарища его не все гладко. Бизнес практически застрял на одной точке, а где застой, там и упадок. Все еще было относительно неплохо, но чувство надвигающейся беды не покидало.

Несколько официанток, вынужденных обхаживать засидевшихся гостей, и до того работавших без восторга, возмущенно перешептывались из-за услышанных о себе слов. Две молоденькие девчушки довольно откровенно и громко высказывались на предмет «зажравшихся пьяных рож».

Прервать затянувшийся банкет решила наконец администратор кафе, полная женщина лет пятидесяти с сильным украинским акцентом.

— Прошу прощения, мужчины. Нам пора закрываться.

— Закроешь, когда я скажу, — не глядя на нее, уже слишком пьяный для милых бесед, огрызнулся Осокин.

— Все, все, уходим. — Анатолий поднялся и забрал из рук Осокина бутылку коньяка. — Все, хватит, Вова! Пора по домам. Не сердитесь, мы уходим, — добавил он администратору.

— Да я им! — поднявшись, попытался грозить присутствующим Осокин. Выглядело это скорее забавно, нежели угрожающе, но никто не смеялся.

— Знаю, знаю. И они тоже знают. Ты нас тут всех поработишь!

— И поработю! — еще более грозно выкрикнул Осокин и тут же взял себя в руки. Одернул свой модный пиджак, выхватил у товарища бутылку и, указывая пальцем на тех молоденьких официанток, серьезно произнес:

— Порабощу!

Нетвердой походкой выпускники вышли из кафе.

Макаров все еще придерживал Владимира под руку, хотя тот, кажется, и сам уверенно стоял на ногах.

— Ну что ты, ну? Люди же тоже спать хотят!

— Какие еще люди? — Осокин удивился так искренне, что показалось, будто он действительно за весь вечер не встречал здесь людей.

— Я хочу. Я хочу спать! — объявил ему Толя.

— Так пойдем ко мне! Коньяк есть, — Владимир потряс бутылкой, и она едва не выпала, — закуски дома целый чулан, комнаты свободные имеются. А пальма? Знаешь, Толька, какую я пальму из Марокко притаранил! Заглядень!

— Заглядень, да смотреть на нее некому.

— Эх, брат! Такой я дурак, чтоб такую бандуру в дом тащить! Я ее на лестничной площадке оставил, пусть растет! На нее весь подъезд ходит смотреть, как на Ленина.

— Ни разу не видел...

— Так пошли и увидишь! — Осокин потащил товарища за локоть.

— Я про Ленина, — пояснил Макаров.

Мужчины рассмеялись и побрели в сторону центра. По дороге оба задумчиво молчали, пили из горлышка оплаченный коньяк и закусывали припрятанной Осокиным в карман шоколадкой.

— А будущее? — прервал молчание Владимир, когда оба уже ждали приезда такси.

— Что будущее?
— Ты ведь сам сказал: в прошлом мы равны, в настоящем тоже.
Но будущее!
— Ты к чему?
— Мое будущее лучше! — горделиво, как-то уж совсем по-детски заявил Осокин.
— Вот тебе раз! Это чем же?
— Ну, вот у меня сын, так? — затараторил бизнесмен, будто страшась потерять нить собственных мыслей.
— Так ведь и у меня сын!
— То-то и оно! Мой сынок, кровиночка моя! Твой охламон чем занимается?
— Охламон у тебя, — с гонором вступился за сына Макаров, — а у меня школу окончил круглым отличником и собирается поступать в литературный в Москве. По стопам отца идет парень!
— Отличник! Удивил! Мой тоже не двоечник. Правда, пришлось в кабинет директора итальянскую мебель завозить, но зато пятерочки — одна к одной! Пусть и охламон, но с отличными перспективами. На совершеннолетие чадо мое получит от любящего отца счет на пять тысяч евро и одну верную наколочку. И пока твой гений литературы будет Пушкина штудировать, мой в люди выбьется! — довольный собой Владимир светился от счастья.
— В люди? Ты людей-то видел, Володя? — Макаров, похоже, выходил из себя. — Ты хоть знаешь, кто в институте этом преподает? Битов, Искандер, Ваксберг, Мориц, Светов, Ерофеев! Это же светила, мировые имена! Там такие знакомства можно завести, такого опыта набраться! Там учат не стихи писать — чувствовать учат, управлять чувствами. Этому в деньгах эквивалента не найти.
— Признался бы, что нечего тебе сыну оставить! На голод парня обрекаешь. Я своему бизнес оставляю, связи и достаточное состояние. А ты что?
— Воспитание! Чувство прекрасного, нравственность и светлую память в своих книгах. И не только ему! Есть еще, Володя, вещи, которые не купишь. После себя можно оставить гораздо больше, чем деньги.

— Слова нищего глупца, — бросил Осокин.
— Можно жить бедно, но достойно, — взяв себя в руки, своим обычным напевным голосом проговорил Макаров. — Об этом стоит помнить. Не тот богат, у кого в сундуках и сейфах, а тот, у кого в голове и сердце. Подумай об этом.
Когда оба садились в подъехавшие машины, Осокин добавил:
— И ты подумай. Чувством прекрасного сыт не будешь.
Телефонный звонок застал Макарова, когда тот едва успел снять ботинки. Звонил Осокин.
— Алло.
— Толя, слушай, ты прости меня. Глупый вышел спор.
— От тебя другого ждать не приходится.
— Точно. Послушай, только не смей попрекать! Я прикинул, что ты мне говорил про нравственность и прочую эту, как ее... Слушай, я ведь всю жизнь как бык — напролом. Считал всегда, что только так к успеху и можно пробиться. А вот ты — мягкий, добрый, воспитанный, а ни в чем мне не уступаешь. И лица не теряешь. Успеха-то я достиг, наверх-то влез, а так черню и остался.
— Ты преувеличиваешь. — Анатолий с трудом сдержал приступ смеха.
— Нет, так и есть... Ты меня убедил, — с несвойственным для себя волнением произнес Владимир.
— В чем?
— Пришли мне на почту это, ну, куда там мне своего недоделка лучше отдать на воспитание. Буду из него человека делать.
— Хорошо.
— Только срочно! Трезвый я на такое в жизни не пойду! Володя Осокин прогнулся под словами Тольки Макарова! Тьфу! Мужчины рассмеялись, тепло и по-дружески.
— Хорошо. Володя, неудобно просить...
— Давай-давай! Я уже пережил свой позор, твоя очередь.
— Возьми моего куда-нибудь. Я ведь и правда всю жизнь впроголодь, один плащ по семь лет... Чего мальчишку тем же мучить?
— Значит, и ты сдался? — с надеждой спросил Осокин.
— Значит, так, — обреченно констатировал Макаров.

— Ха! Ну, дела! Братья, не иначе! Кидай в почту свое предложение, я тебе свое.

Две недели разговор со школьным товарищем не выходил у Макарова из головы. Пожалуй, впервые за многие годы он не чувствовал, что смог победить в этом споре. Раньше, в школьные годы, частенько бывало, что кто-то из них проигрывал спор вчистую, был разбит оппонентом. Но чувствовать себя проигравшим? Нет, такого быть не могло! Впрочем, Анатолий был уверен, что Осокин сейчас в таком же смятении. Чувство одинаково незнакомое для обоих.

Последние деньги отданы сыну. Старый друг не обманет, вариант верный, беспроигрышный. Нужно лишь работать, много и усердно трудиться. Но есть ли у сына к этому способности? Восемнадцать лет рассказывать об одном и в одночасье направить в другом направлении — безумие. Определенно, оба родителя сильно рисковали. Поменять в одно мгновение жизнь подрастающего сына из-за пьяного спора... Бред, да и только!

Осокин вошел в подъезд, предаваясь тем же размышлениям, что и Макаров. Усталость все чаще давала знать о себе. Сердце неприятно и слишком гулко шлепало по ребрам.

Лифт опять не работал, пришлось идти пешком. «Пятый этаж. Хорошо, не двенадцатый», — подумал Анатолий и по-молодецки, через ступеньку, начал преодолевать пролет за пролетом, в дверях едва не столкнувшись лбами с молодым человеком в строгом, но одновременно жутко смешном костюме.

Владимир вышел из лифта на двенадцатом этаже, все так же держась за внезапно забарахлившее сердце. Из-за марокканской пальмы, которой он так хвалился Тольке, навстречу шагнул парень в бесформенной спортивной куртке.

— Вы кто? — удивился внезапному гостю Макаров. — Не от Осокина?

— Извините? — интеллигентно спросил молодой человек. — Нет. Вы, должно быть, Анатолий? Меня зовут Игорь Евгеньевич, я преподаю философию в здешнем филиале московского университета.

— Очень приятно, — Макаров растерянно пожал руку Игоря.

На сегодня никаких встреч не планировалось. — А по какому вопросу?

— Видите ли, дело в том, что ваш сын просил меня репетиторствовать ему, но втайне от вас. Видимо, эти деньги предназначались на иные цели. Я, как и несколько моих коллег, сперва согласился. Ведь мальчик крайне способный! Но сейчас я думаю, что должен вернуть эти деньги или, как минимум, обсудить все с вами.

— А, ты, наверное, от Макарова?

— Нет, от Осокина, — дерзко оскалился незнакомец. — Младшего.

Владимир произвольно сделал шаг назад к лифту, увидев, как незнакомец достает из кармана куртки короткий двуствольный пистолет.

— Ну что, папаша, решил сыночка кинуть? Все богатство любовнице отписать, а от сыночка пятеркой откупиться? «На, сынка, вкальвай, учись, становись человеком», — незнакомец противно рассмеялся.

— Ты кто такой? — не привыкший к такому обращению Осокин даже под дулом пистолета не мог стерпеть такой дерзости.

— А сыночек вырос уже, знает, как проблемы решать, — незнакомец оставил без внимания гнев мужчины. — Да еще и сэкономил. Ха, инвестировать в смерть богатых родственничков жутко выгодно!

Макаров открыл входную дверь и пригласил Игоря войти: «Что же, давайте все обсудим».

Два глухих щелчка эхом прокатились вниз по этажам. Парень в бесформенной спортивной куртке спустился на том же самом лифте, в котором приехала на randevу его жертва. Старый, но надежный беззвучный пистолет «Гроза» остывал дольше обычного, нагло оставленный в лужице алой горячей крови.

Роботы

Меня зовут Глеб. Точнее, так меня называли мои новые хозяева. Я робот-подросток японской фирмы «Такешу», и мое настоящее имя с трудом можно произнести на русском языке. Языке, на котором я говорю со дня своей активации. Да это и не имя вовсе, а набор иероглифов и цифр, обозначающих серию или партию. Или, может быть, место моего изготовления. Я отнюдь не передовая модель, про таких, как я, говорят: «бюджетный вариант». Впрочем, я не так уж и плох, если задуматься.

Правда, я лишен этой функции. Я имею память, и неплохую. Я обучен многим вещам и способен реагировать на изменения обстановки, но способностью мыслить, делать выводы, обучаться я не наделен. Это следующая ступень эволюции. Роботы-начальники. Роботы-судьи. Время робота-раба давно прошло. Теперь человек сам создает для себя робота-хозяина. Нам, роботам средних операционных возможностей, этого не понять. Впрочем, «нам» я сказал, конечно, зря. Здесь, в пригороде Воронежа, я единственный в своем роде. Да и во всей России, насколько я знаю.

Если бы я только мог, я бы начал подозревать, что я единственный и на всей планете. И тогда, конечно, я бы страшно гордился этим. А может, боялся бы своего одиночества. Если бы только мог... Ничего этого я, конечно, не могу. Никаких лишних эмоций, лишних чувств, кроме уже заложенных в оперативную память. Забавно, что мои создатели в числе остальных, самых простых, способностей за-

ложили в меня возможность предполагать и сомневаться. И я предполагаю, что это вышло случайно. Хотя и сомневаюсь в этом.

Отец семейства Каленовых Егор приобрел меня три года назад для своей дочери. Нужно сказать, в наше время роботом никого не удивишь, в том числе и социально адаптированным, вроде меня. Но три года назад я был своего рода первопроходцем среди разумных роботов в этих краях. Годом позже у нашего соседа, живущего в огромном красном особняке за высоким забором, появилась робот-девушка последней модели, затмившая меня по всем статьям. О, эти новые роботы — настоящее произведение искусства. Наш сосед рассказывал подчиненным на работе, что это его подружка, и они верили. Или притворялись, что верят.

Хотя вычислить ее простому человеку будет крайне сложно. Я же не сомневался с первой минуты. Когда такая девушка вдруг берется из воздуха в доме одинокого, пусть даже очень богатого мужчины, первая мысль — фабрика роботов. Хотя, как я уже говорил, делать выводы — не мой конек.

Меня купили для четырнадцатилетней дочери ее любящие родители. Ее зовут Юля. Она и сейчас рядом со мной. Мы сидим здесь вдвоем и смотрим за горизонт, где разгораются первые лучи нового дня.

За три года, что я провел с ней, она сильно изменилась. Меня подарили одинокой и тихой девочке. Возможно, это был совет психолога. В любом случае, я рад быть свидетелем ее взросления и подлинного расцвета. Она похорошела (сам я судить об этом не способен, я подслушал это из ее телефонного разговора с каким-то парнем), стала настоящей молодой леди. И с недавних пор, мне так кажется, я стал тяготить ее. Что ж, наверное, я выполнил свою функцию. Роботов не держат долго, мы ведь не собаки, чтобы привыкать к нам.

Я бы хотел пообщаться с той девушкой из дома напротив. Правда, она несколько старше. Ну, вернее, она изготовлена в виде более взрослой человеческой особи. В отношении же возможностей и производительности я давно устарел на ее фоне. Вполне возможно, что у нее уже есть возможность ощущать весь спектр человеческих

чувств, включая любовь, печаль, горе. Во мне нет сердца, в человеческом понимании, но моя грудь вздымается, имитируя дыхание и сердцебиение. А в ней, догадываюсь, пытались имитировать душу. Даже для меня, обладателя идеальной человеческой оболочки с железными мозгами (по правде, мои «мозги» состоят из многих составных частей: серебро, золото, свинец, неодим. Позолоченные контакты, посеребренные, свинец как припой, снова неодим — в магнитах жесткого диска, арсенид галлия и кремний — в микросхемах. Ещё цери́й — в магнитах, индий — легирование полупроводников, олово — в припое, платина, палладий, селен, медь, цинк, ртуть, германий, европий, литий, кобальт, сурьма, кадмий, мышьяк, редкоземельные металлы. Наверное, и еще много чего...), было в диковину то, чему научились эти новейшие роботы.

Они могли чувствовать, сопереживать, любить и даже предавать. Вы, возможно, удивитесь и возмутитесь, но мы с Юлей смеялись до слез (точнее, смеялась она, а я лишь чувствовал легкое покалывание в области звуковой платы), когда эта девушка-робот шикарных форм и изысканных манер бросила своего хозяина и сбежала с любовником. Пятьдесят тысяч евро коту под хвост! Или чужому мужику под бок.

Три года назад, когда меня купили и активировали, Юле было четырнадцать. Вы представляете, как меняется девочка за три года в период самого бурного созревания? Я не изменился вовсе. Меня доставили в дом шестнадцатилетним подростком, таким я остаюсь и по сей день. С момента включения я уже знал, на что способен и на что нет. Никаких лишних функций! Я способен быть другом, партнером в играх, отличным собеседником и еще лучшим слушателем. Но не способен любить душой или телом, не способен быть лидером и вожаком, не способен добиться девушки... Не удивительно, что она быстро переросла меня.

Такое происходит сплошь и рядом даже с живыми парнями, которые ведут себя вроде меня. Их считают отличными друзьями, но в любовники выбирают более решительных. На первых порах я сослужил отличную службу, я считаю так. Юля не была душой компании, скорее наоборот. И появление рядом с ней симпатичного (эту

характеристику я услышал от нее сразу после моей активации) молодого человека явно благотворно отразилось сперва на ее репутации, а затем и на самооценке. Если это был и правда совет психолога, то этот парень не зря получает зарплату.

Сейчас я считаю, что моей главной особенностью и главным достоинством является моя память. Она так же избирательна, как память человека, но более точна в деталях. Я помню свой первый день в доме Каленовых. Как папа Егор поднялся с колен, закончив мою активацию. Как мама Юли Елена удивленно посмотрела на меня и шагнула за спину мужа, из-за которой следила за моими передвижениями несколько первых дней. И как сама Юля назвала меня «симпатичным чудиком».

Я буду с ней ближайшие три года и буду знать о ней практически все. И помнить самое важное. Например, сейчас мне вспомнилось, как однажды нас остановили ее подружки. Это было уже через полгода после моей активации, теплым майским днем. Одна из ее подруг, белокурая, тощая и длинная, словно гладильная доска из музея истории XX века, вышла вперед и ткнула в меня пальцем:

— Мы знаем, что он не настоящий! Завела себе робота-дружка и думаешь, все теперь должны с тобой считаться? Как бы не так!

Я заметил, что Юля растерялась, не зная, что ответить на это. И тогда я ответил сам:

— Послушай, тупица. Взгляни на себя! Тебе нет пятнадцати, а ты выглядишь на сорок. Клянусь, даже моя бабуля использует меньше синтетической косметики, хотя ее лицо втрое больше твоей тощей селедочной мордашки!

Клянусь, я даже слышал какие-то эмоции в своем голосе! Конечно, этого быть не могло, но я ощущал присутствие гнева внутри меня. А после — как будто тепло юного тела моей подружки, обнявшей меня в знак благодарности.

Да, память — это моя визитная карточка.

Но вот что странно: с некоторых пор я начал понимать — что-то идет не так в процессе хранения моей памяти.

Вообще, я вам тут рассказываю, что начал понимать, ощущать, чувствовать... Конечно, это не совсем так. Не в обычном понимании

людей. Мне с трудом даются выводы, как я говорил. Но что-то происходит внутри процессора, и это вызывает некие реакции. Люди называют это чувствами, эмоциями. Для нас, электронных, подобных красивых слов не придумано. Так что позвольте использовать ваши.

Так вот, память, моя память. По сути, это все, что у меня осталось. Я веду эту запись на крохотный остаток своей памяти. Мое огромное преимущество в том, что для этого мне не приходится даже открывать свой рот. Не говоря уже о записях на бумаге или электронных носителях вроде компьютера или электронной записной книжки.

Примерно два месяца назад, когда на улице был самый жаркий месяц в году, я стал замечать практически полное отсутствие Юли в моей жизни. Точнее сказать, мое существование перестало совпадать с ее жизнью. Это совсем не страшно для бездушного робота. В конце концов, я не собака, я не привязан к хозяину. Но меня беспокоило отсутствие цели. Три года моего существования моей программой было сопровождать, оберегать, помогать, поддерживать мою спутницу. Теперь я оказался абсолютно бесполезен. Юля нашла подходящую ей компанию, и это были в высшей степени достойные ребята. Будто бы роботы нового поколения, на фоне которых я давно морально устарел.

Я не завидовал. Не мог завидовать по причине отсутствия подобных настроек. Да и не стал бы. Если кем и восхищаться, то более примитивными формами роботов, имеющими более подходящие формы и пропорции. Мне совершенно не нравилось мое тело, облочка, в которую вживлен искусственный разум, коим я являюсь. Она была практически пустой. Скелет из легких сплавов, без всяких хрящей и прочих никому не нужных мышц. Кожный покров из синтетических материалов. И пустота внутри. Если бы кто-нибудь захотел вдруг хорошенько пнуть меня под зад, я мог бы без труда перелететь забор нашего соседа. Черт, почему я не подумал об этом, пока еще его любовница не сделала ему своей ультрасовременной ручкой?

Поэтому я восхищался калькуляторами, тетрисами и видеомагнитофонами. Ничего лишнего, только лаконичность и завершенность во всем, в каждой линии!

Когда Юля начала исчезать из моей среды обитания, я догадался, что моя миссия подходит к концу. Я застыл на месте и просто смотрел в окно. Заряда батареи хватит еще на несколько лет. И объема памяти на двоих таких же. Я предположил, что было бы лучше для всех отключить меня и передать на запчасти для иных роботов. Самый рациональный выход. Но тут же усомнился: а есть ли еще такие же, как я? Возможно, это было слишком для меня, для моего процессора. Я ведь не создан для логического мышления. И я ощутил странное журчание и треск где-то внутри моей человеческой оболочки. Так бывает, когда у кого-то из людей урчит в животе. Неловкое чувство, называемое «внутренним китом».

Именно тогда я впервые захотел сделать что-то необычное. Я не знаю почему. Точнее, тогда не знал. Сейчас-то мы все уже выяснили. А тогда, как гром среди ясного неба, мне нестерпимо, насколько это возможно для железяки, захотелось на море. Мне ужасно, просто до боли в печенке, если бы только она у меня была, захотелось встретить рассвет на пирсе у самой воды. И чтоб мои ноги ощущали холодную воду морского прибоя...

Когда я рассказал об этом Юле, она не придала этому большого значения. «Ты, должно быть, услышал об этом из рекламы или вычитал где-нибудь, дурачок!» — сказала она. Мне нравилось имя «дурачок». Уж куда лучше, чем Глеб. Но в последнее время оно звучало все реже.

Я пытался вспомнить, где мог зацепить столь странный обрывок памяти, но не мог. Я не мог воспроизвести из памяти морского пейзажа, шума волн или соленого встречного ветра, но я все более явно ощущал желание попасть на пирс у моря в час рассвета.

Юля продолжала жить своей жизнью, все меньше уделяя внимания стремительно стареющей относительно новых моделей игрушке. Я перестал быть близким другом, перейдя в категорию приятелей. У нее появился поклонник, и теперь уже быть приятелем мне было бы в радость. Я превращался в предмет интерьера. Обидно быть всего лишь вещью, вроде вешалки, когда в тебе потенциала еще на несколько лет стабильной работы. Черт побери, машины моего класса не должны себе подобного позволять, но я знал, что

умнее и лучше воспитан, нежели, как минимум, половина из жителей нашего элитного поселка!

В тот день она пришла поздно, за что получила выговор от отца. Ворвавшись в комнату, Юля с яростью бросила сумку в одну сторону, пиджак в другую. Я успел перехватить его рукой.

— Что ты так смотришь? — заметила она мой взгляд. Впервые за последнее время заметила. — Может, еще и ты будешь меня отчитывать?

Я молча сложил ее вещи. Внутри меня снова бурлило и ухало, пустота заполнилась звуком моего странного воспоминания, это происходило все чаще, и звук становился громче и противнее.

Она снова посмотрела на меня.

— Слушай, ты в последнее время мне совершенно не нравишься.

Я опешил от такого прямого заявления. Я, конечно, не ждал извинений. На меня ведь можно кричать сколько угодно. Но так прямо...

— Не в том смысле, дурачок! — быстро добавила Юля, заметив мою растерянность. — В том смысле, что ты стал какой-то странный. Какой-то подавленный и уставший, малоподвижный. Как человек, не иначе.

Я попытался улыбнуться. Моя механическая улыбка вызвала у нее приступ веселого смеха. Она извинилась взмахом руки, как выходило только у нее. И подозвала меня к себе.

— Расскажи мне, что случилось?

Она уселась на кровати, подобрав под себя ноги. Я нерешительно опустился рядом с кроватью, присев прямо на ковер. Мы проводили так не один вечер, когда делились тем, что было на душе. Точнее, она делилась со мной своими эмоциями, переживаниями, а я тем, что мне удалось услышать, увидеть и вычитать. Я был ее дневником и новостной лентой одновременно. Юля, как всегда, запустила пальцы в мои полиэстровые волосы. Ей это нравилось, а мне, как вы понимаете, ни капли не мешало.

Слова не хотели связываться в предложения, но я заставил себя говорить:

— Обещай не смеяться!

Юля посмотрела на меня максимально серьезно. Всего секунду.

И тут же расхохоталась. Я знал такую ее реакцию — это пройдет через мгновение, и она выслушает меня, как лучшего друга. Подумайте сами: непросто оставаться серьезным, когда вам хочет излить душу ваша собственная игрушка.

— Обещаю, — закончив смеяться, ответила она. И сразу добавила: — Но и ты не смей меня смешить в таком случае!

Я снова криво улыбнулся и кивнул головой.

— Я заметил, что мы стали меньше времени проводить вместе, — начал я несмело.

Юля хотела что-то сказать, но все же промолчала, давая мне возможность продолжить.

— Я, безусловно, все понимаю и не требую от тебя объяснений. Я вижу, что ты стала взрослой и самостоятельной. Такой робот, как я, уже не может соответствовать тебе.

— Ерунда! — горячо и громко выпалила она. — Ты мой друг и...

— Позволь, я закончу.

Обычно я никогда не перебивал ее, но сегодня дело обстояло иначе, и, кажется, Юля это поняла и снова умолкла.

— Да, конечно, я твой друг. Но и у друзей бывают нелегкие времена. Бывают ссоры и размолвки. Не мне говорить об этом, но порой обида проскакивает и во мне. Я всего лишь робот, и тебе, наверное, смешно от всех этих переживаний. Я и сам не знаю, что это, но я бы назвал этот процесс человеческим словом «тоска».

Мы немного помолчали. Я, конечно, ожидал, что Юля перебьет меня еще в самом начале и до признаний о моем тоскливом самочувствии не дойдет. А она, похоже, чувствовала себя немного виноватой.

— Мне нравятся новые друзья. И Гарик. Он смешной и крутой одновременно! — она говорила скорее сама с собой.

— Может быть, лучше было бы деактивировать меня? Перестроить и подарить кому-нибудь.

Она посмотрела в мое лицо. Мои зрительные детекторы определили целую гамму эмоций: злость, растерянность, печаль, негодование и даже презрение. И все это — в маленькой слезинке, застывшей в ее глазу. Она моргнула, и тут же ее глаза стали чистыми.

— Что еще придумаешь? А? Может, еще предложишь продать мне своего друга с аукциона? Любой каприз!

— Поедем на море, — неуверенно произнес я.

Юля посмотрела на меня сперва недоуменно, потом я различил ее милую улыбку.

— Вот ты к чему! Опять эти твои воспоминания о море, да?

— Я не могу от них отделаться, — вздохнул я виновато.

— Слушай, а может, ты превращаешься в человека? Как этот, как его? Электроник!

— Кто?

— Ну, помнишь, мы смотрели допотопный фильм про мальчишку-робота?

Я задумался на секунду, вспоминая этот фильм.

— А что, разве ему хотелось на море?

— Всем людям хочется на море. Вот я и подумала...

— Поедем? — снова перебил ее я.

Девушка пребывала в замешательстве, как я догадался. Она улыбалась, но это ее ежеминутный защитный механизм, я знал это. Она искала способ отвертеться от этой затеи.

— Ты понимаешь, на что меня подбиваешь? — произнесла она шепотом, будто нас могли подслушивать. — Родители меня в жизни не отпускают одну на море! Хорошо, не одну, а с тобой. Но где мы денег возьмем?

— Заложим меня в ломбард! — это прозвучало так, будто я долго до разговора планировал сам себя заложить. На самом деле эта дикость пришла мне в голову внезапно. А сам разговор давно шел не по плану. Тут я повторил одну из грубейших ошибок любого человека — пытался что-то планировать.

Юля снова рассмеялась, но теперь как-то нервно.

— Ты клевый, но много за тебя не дадут, уж извини.

— На денек хватит, — я пытался стоять на своем.

— На денек... На море на денек. Подожди минутку.

Она кошкой прыгнула с постели и порылась в своей сумочке. Когда она повернулась, на ее лице сияла самая настоящая улыбка, от которой таяло даже мое кибернетическое сердце. А в руках было несколько банкнот.

— Без шика, но на денек в Сочи хватит.

Я молчал, как будто сам хотел остановить это безумие. Но Юля не оставила мне шанса на это.

— Едем на море, парень! Завтра же!

Слишком долгие сборы и лишние раздумья были нашим злейшим врагом в данной ситуации. Днем мы с Юлей съездили на вокзал в Воронеже и приобрели два билета до Сочи. Ей, как студентке, сделали достойную скидку. Зато меня, несмотря на присутствие у меня спецпаспорта робота-человека, посчитали за багаж и обложили всеми возможными пошлинами. Возражать было себе дороже, и мы пошли на эти убытки. Денег осталось мало, но на билеты домой должно хватить. Если не покупать мороженое или газировку, то даже на два билета.

Мы ехали долго. Сперва тайком выбрались из дома и на такси отправились на вокзал. На перроне было мало народу, а нам так хотелось затеряться в толпе! Днем мы взяли билеты на проходящий поезд из Минска в Адлер, и в два часа ночи, в свете вокзальных фонарей, столь ярких, что нельзя было различить звезд на ясном небе, мы вошли в вагон. От большинства пассажиров нас отличало отсутствие багажа. Лишь маленькая сумочка у Юли на плече.

Для меня сутки в поезде прошли незаметно, но Юле и многим другим пришлось непросто. Поезд то и дело останавливался и снова трогался, причем полноценных запланированных остановок на станциях было в пять или десять раз меньше, чем остановок вообще. Мы стояли в чистом поле, стояли в лесу, на окраине какого-то города и прямо в сердце какой-то деревни. Пейзаж за окном вагона менялся и при этом оставался одним и тем же: вагоны, ржавеющие на полузаброшенных станциях; старые шпалы, сваленные черной кучей; поля, засеянные хлебом, вперемешку с заросшими; подсолнухи, качающиеся на ветру; и осень, медленно, но верно пожирающая все, что попадает на пути. И лишь яркие осенние листья украшали увядающую траву, спасая остатки летней красоты от разорения.

Люди в вагоне скучали каждый по-своему. Одни играли в карты, сбившись в компанию из пяти-шести человек, другие пили чай и непременно бежали после него в туалет, а наш сосед беспрерывно ругался с проводницей, укоряя ее, что туалет всегда занят или закрыт.

Мы ехали молча. Юля спала или пребывала в своих мыслях. В полдень она включила телефон, отключенный из предосторожности (скорее, чтобы немного отсрочить неприятный разговор с родителями), и посыпались звонки. Она ушла в тамбур и вернулась только через полтора часа. Родители, нужно думать, были в шоке и поэтому даже не стали сильно ругаться. Они лишь попросили как можно скорее вернуться домой. Звонили и ее друзья, и учителя, и, конечно, ее ухажер. Она не стала вдаваться в подробности этих разговоров, да и к чему мне это?

Сутки в пути мне казались вечностью из-за неизвестности. Но и они имели свой конец.

Сочи встретил нас осенней прохладой. Осень в этих краях теплая, по меркам Воронежа — просто жаркая. Даже ночью. Но прямо перед нашим приездом прошел сильный дождь с грозой, более похожий на шторм или ураган. В воздухе пахло сыростью и, хотелось так думать, морем.

Вокзал Сочи — настоящий дворец, памятник! Огромные высокие колонны держат величественную белую крышу в форме купола. Три дворика разных архитектурных направлений, три высоких этажа здания управления. А венцом всему — башня с часами. Огромные стрелки переползали с одной цифры на другую, отсчитывая не только время, но и знаки небесных созвездий, красующиеся над каждой из цифр. Если присмотреться, можно заметить, что знаки эти стоят не в привычной очередности, а несколько перепутавшись. Нам, к сожалению, некогда было присматриваться. Часы пробили 4 часа утра нового дня, дня, когда нам нужно было столько успеть! До восхода солнца оставалось всего несколько часов.

Мы не стали задерживаться на вокзале и отправились в сторону морского порта. Дорога шла по темным улицам, луна не справлялась с функцией фонарей, которые здесь мало где горели. Вокруг сладко пахло дыней и шашлыком. Дух олимпиады, прошедшей здесь когда-то, выветрился без остатка. Не пахло здесь и сексом, вопреки известному стихотворению о сочинских ароматах. Во всяком случае, так сказала Юля. Мне ведь этот запах не знаком.

За час мы добрались до порта, где огромные корабли отдыхали

после долгих путешествий. А могучие краны волокли на сушу контейнеры с добычей этих громадин. Мы двинулись дальше вдоль побережья, до которого было еще прилично. Юля отыскала на интернет-форуме интересное место, где бывалые туристы советовали всем романтикам хотя бы раз в своей жизни встретить рассвет, — старый брошенный пирс вдали от большого порта, давно забытый большинством местных жителей и почти не известный простым отдыхающим.

Пирс был плохо различим на фоне темного моря, гулко ударяющего волнами о крутые берега. Но, я думаю, он был точь-в-точь как на картинке, которую мы видели. Я бы мог соврать, что именно так я себе его и представлял, вспоминал именно таким, но ничего этого не было. У меня не было ни единого обрывка воспоминаний об этом месте. Да и быть не могло. Я ведь прибыл в семью Каленовых прямо с конвейера, изготовленный по заказу отца Юли.

Ветер здесь усилился, задувая с моря. Я заметил, как Юля ёжилась от холода, и отдал ей свою куртку. Мне ведь и в майке неплохо. Не хуже и не лучше. Юля поблагодарила меня за заботу и закуталась в ветровку со значком «Барселоны» на спине. Я успел подумать, что ей она идет лучше, чем мне.

Мы спустились к пирсу. Это был действительно старый пирс. Не знаю, когда им пользовались по назначению в последний раз. Уже здесь я почувствовал странное ощущение в затылке, где кроется самая важная вещь в моем кибернетическом организме — моя память.

Мы огляделись, соорудив маленький фонарик из планшетного компьютера Юли. Мода на большие планшеты прошла не так давно, поэтому у Юли с собой был совсем маленький, наподобие старых телефонов. Пирс был бетонный, но покрытый сверху деревянным настилом. Доски давно пришли в негодность из-за влажности и старости, но оставались чем-то вроде ковра на этой холодной бетонной глыбе. По бокам еще продолжали висеть старые автомобильные покрышки, защищающие причаливающие катера от ударов о пирс. Хотя сейчас уже сам старина нуждался в защите. Морская вода беспощадно колотила его все эти годы. И продолжала это делать на наших гла-

зах. Стенки его были покрыты трещинами, а кое-где море уже сумело оторвать себе приличный кусок от бедняги.

— Вот, значит, куда ты так рвался? — усмехнулась Юля. — Теперь доволен?

— Сейчас проверим.

Она посмотрела на меня как на сумасшедшего. А я лишь скинул ботинки, носки и подтянул штаны.

— Не простудись.

— Мне это не грозит, — ответил я слишком самонадеянно.

Мой череп продолжало покалывать. Моя оболочка нравилась мне все меньше.

Я подошел к самому краю пирса и присел. Волны мощно плеснули, и меня окатило прохладной водой. Я сделал то, чего так сильно хотел. Я сел на самый край, и мои ноги оказались в воде по колено. И тут я почувствовал...

Юля испуганно подбежала ко мне, бросив мои вещи на мокрые доски.

— Глеб, что с тобой?

— Я не знаю. Ноги мерзнут!

Я был как будто во сне. Я не мог ощущать холод своими ногами, это невозможно. Но ощущал! Я понял, что вода проникла внутрь моей оболочки и сейчас жадно облизывала мой металлический скелет. Это странное ощущение расплзлось по всему организму, пока не добралось до затылка. Я прикоснулся к своей голове. Чуть правее темени, почти за ухом, я вдруг нащупал некий вырез, или слот. Я провел пальцем снова. Раньше его точно не было.

— Посмотри, что там? — попросил я подругу.

Юля явно не хотела быть впутанной еще и в эту мою выходку, но все же подошла. Она посветила своим импровизированным фонариком и прошептала:

— Это какая-то карта памяти или вроде того.

— Как думаешь, стоит ее извлечь и посмотреть?

Я не колебался, но Юля могла сомневаться. Впрочем, любопытство уже овладело ей, и она согласилась.

Тонкими пальцами она смогла подцепить маленькую карту памяти и после некоторых манипуляций вставила ее в свой планшет.

Я так и сидел — ноги по колено в воде, весь скелет и организм в плену странных ощущений холода, да плюс еще трещина в затылке. Юля поднесла планшет, на экране которого открылся текст какого-то послания.

— У меня ноги замерзли, похоже, вода попала, это странно.

Я, как мог, пытался сохранять спокойствие, хотя был не вполне уверен в том, что происходит. Процессы были мне совершенно не знакомы.

— Ничего странного, — ответила Юля. — Здесь написано, что ты российской сборки. И довольно древний.

— Да? А я всегда считал, что я японец, фирмы «Такешу».

Юля замолчала на несколько минут, и я не хотел ее отвлекать. Потом она подошла и села рядом.

Пришло время мне открыть вам секрет. Все то, что вы читаете, я набросал на свой диск памяти за те минуты, что мы провели в тишине. Я будто бы предвидел, что обнаружение этой карты в моей голове и вообще все это путешествие не случайны. Что-то должно случиться. И я сделал то единственное, на что способен лучше всех, — запечатлел в памяти некоторые моменты, связанные с этим днем. Дальше я собираюсь вести запись синхронно с нашей беседой, с опозданием всего на несколько секунд. Поэтому не могу гарантировать предельной точности. Но времени на осмысление и обработку данных сейчас нет. Если все закончится более или менее благополучно и хотя бы моя голова останется цела, то вы сможете это узреть. Если кому-то из вас будет это интересно.

Она села рядом.

— Здесь на английском. Я могу прочесть, если хочешь...

Ее голос звучал странно. Было похоже, что она сдерживала слезы или только что плакала. Я лишь кивнул, не зная, что сказать.

Она нажала на экран и начала читать:

— Привет, мой брат! Прости, что, возможно, испортил твою размеренную семейную жизнь. Глупо было вкладывать в тебя свои детские мечты. Но я создал тебя из-за них. Потому что мне не зна-

комы радости семейной жизни. Потому что у меня никогда не было брата. Я задумал сделать тебя, своего брата, из пластика и металла. А еще я мечтал быть на море и встречать рассвет, купая ноги в морской пене. Из нашего приюта для юношей до моря день пути пешком — целая вечность, когда твои ноги не ходят.

Прости меня, мой брат, что я не нашел сил создать тебя сам. Я продаю свои чертежи людям из России, чтобы они даровали тебе жизнь, а я смог продлить свою. С любовью, твой брат Такеши.

Я так и не нашел, что ответить на это. Я только чувствовал холод всем своим телом. Даже мой электронный мозг совершенно замерз и, должно быть, покрылся коркой льда. Мы молча смотрели, как восходит солнце, медленно поднимаясь из-за самого горизонта. Тучи отступили, и гроза уходила прочь. Долго ли мы сидели, юноша-робот в одной майке и его подруга в спортивной куртке? Не знаю. Уже не имело значения.

Юля задремала на моем плече. Когда было уже достаточно светло, я провел пальцем по ее щеке. Она открыла глаза.

Как обычно, скорая на подъем, через пару минут она уже была готова двинуться в путь. Но я застыл, как статуя, сидящая статуя.

— Ты идешь?

— Я не могу.

— В каком смысле? — она уже сделала несколько шагов к берегу. — Нам нужно идти, поезд скоро, а билетов еще нет.

— Я не могу подняться. — Теперь я уже не паниковал, а говорил спокойно. — Вода, похоже, нарушила работу организма, процессы не осуществимы. Я не могу подняться.

— Что за черт! Хватит шутить! — она реально разозлилась на затянувшуюся шутку.

— Я говорю серьезно. — Я, черт возьми, говорил очень серьезно!

— И что же прикажешь делать?

— Слушай. Я, похоже, исполнил свое предназначение. И для тебя, и для своего создателя. Ты могла бы извлечь из моей головы диск памяти, — я провел пальцами по двум венам на шее, — ключ к сейфу, — и мой затылок открылся еще чуть шире. — А меня оставить здесь или столкнуть в море.

Я ожидал бурных протестов, негодования и обвинений. Но Юля молча подошла ко мне сзади, прикоснулась к плечам, провела теплой, нежной рукой по волосам и прошептала:

— Дурачок...

Салюй

Всё получалось наоборот. Маленькая девочка с лентами в рыжих волосах, доставшихся от матери, листала на диване толстую энциклопедию из серии «Хочу все знать». Разглядывая все картинки и с трудом, по слогам и не всегда с первого раза прочитывая надписи под ними, девочка облизывала тонкий пальчик и переворачивала страницу. А перевернув, она непременно бросала взгляд на кресло у окна, где спал дедушка. Она то ли боялась разбудить его неловким движением и неуверенным чтением, то ли засматривалась на красивый дедов китель, украшенный множеством орденов и медалей, а может, была другая причина. Но каждый раз ее взгляд замирал на груди дедушки, будто бы отмерял и отсчитывал три его тяжелых вздоха, и снова устремлялся в книгу. Планировалось, что дедушка Федя (если точнее, он был уже прадедушкой, но быть дедушкой ему нравилось больше) проведет этот вечер с Танюшкой — присмотрит за ней и уложит спать. Но, когда пришло время ложиться спать, всё пошло наоборот.

Майское солнце давно закатилось за невысокие панельные дома. Хотя дни и стали значительно длиннее, чем недавней еще зимой, уже в десять часов на улице стало совсем темно. За окнами сделалось значительно тише, зажглись уличные фонари.

Девочка несколько раз дернула штору и посмотрела снизу вверх — медные колечки с маленькими прищепками никак не желали двигаться с места. Попробовав еще раз, она со вздохом подумала, что это занятие тяжеловато и для дедушки. Понятно, почему он так утомился и заснул. Девочка снова посмотрела на дедушку и снова подсознательно отсчитала три глубоких вдоха его груди.

Таня, которой осенью предстояло пойти в первый класс, не могла помнить дедушку молодым или хотя бы не таким старым, как сейчас. Но она помнила его «более живым». Подвижным и веселым. А за год, в который они не виделись, дедушка сильно ослаб, практически перестал ходить, стал плохо есть и почти все время спал.

А каким он был прошлым летом! Тогда родители Танечки отправились на море, но не смогли взять дочь с собой. Она, впрочем, не сильно переживала. Подумаешь — море! Ведь у нее есть супер-пупер-дедушка! И дедушка действительно был хорош. С раннего утра и до позднего вечера они находили все новые и новые интересные занятия и игры. Что говорить, если простой поход за молоком дедушка мог превратить в невероятно забавное и веселое приключение. Тогда Таня не могла и представить, что завистливые слова соседок, мол, «старик у же почти девяносто», могут значить что-то плохое. И тогда, почти год назад, бодрый фронтовик действительно мало походил на девяностолетнего старика. А сейчас...

Возможно, те две недели, сколь веселые и радостные в жизни дедушки Федора Максимовича и маленькой Танюши, столь же и хлопотные для здоровья ветерана, могли сказаться сейчас. После отъезда правнучки, за которой приехал отец, родной внук Олег, дедушка сильно сдал. Осенью, в октябре, скончалась невестка Федора, мать Олега и бабушка Танечки, которая жила с ними в одном доме. Сразу после похорон, видя совсем уж неважное состояние деда, Олег снова предложил ему переехать к ним. Но ветеран снова отказался. Не в первый и даже не в десятый раз. Зимой ноги практически отнялись. Ходить стало невыносимо больно и сложно. И лежать тоже. Дедушка почти все теперь делал сидя.

Родители задержались почти на час. Забавно, что глава семейства всегда заранее планировал свой день с утра практически поминут-

но и с отчаянной ревностью пытался успевать и соответствовать своему плану. Но обычно его план срывался из-за дочери или иных неожиданных обстоятельств, и тогда Олег страшно нервничал, порой слишком сильно. Вот и сегодня его временные расчеты были не точны.

Звонок домофона вывел дедушку из мира грез, тяжелых и усталых. Он просыпался медленно. Так просыпаются студенты, которые предпочли поход в ночной клуб здоровому сну прошлой ночью. Или маленькие дети, зубки которых донимали их последние несколько дней. Или старики, которые смертельно устают от груза старых недолеченных травм вперемежку с новыми, которые лечить порой не имеет смысла. И лишь во сне, тяжелом, глубоком для созерцания других, но легком и воздушном для самого спящего, старик может ощутить себя снова молодым и полным сил.

Дедушка засыпал все чаще и спал дольше, чем раньше. И дольше, чем хотелось бы ему. Тратить время на сон ему было слишком жалко. Вот и сейчас, после такого незапланированного сеанса сна, он мысленно корил себя, что не провел это время с внучкой. Но что может поделывать старый и больной человек в такой ситуации? Если в молодости все мы еще как-то пытаемся управлять временем, подгоняя его под свои нужды, то в старости время берет у нас уверенный и жесткий реванш. В этом боксерском поединке время с каждым раундом бьет нас сильнее, а мы все хуже защищаемся. И вот уже первые отметины на наших лицах от тяжелых хуков и апперкотов. Мы пытаемся увернуться, но вместо этого получаем удары в корпус и после очередного прямого в скулу падаем на настил. Нокдаун! И незримый судья отсчитывает нам девять секунд, чтобы успеть подняться. Время работает на соперника. Время дарует нам время, чтобы собраться с силами или навсегда отказаться от борьбы. И тут же отнимает его снова. Парадокс.

Как известно, на сверхскоростях, близких к скорости света, ход времени практически останавливается. Когда вы стары, по-настоящему стары и почти обездвижены, может показаться, что ваше время застывает вместе с вами. Но это обман. Там, где жизнь замирает, время набирает небывалый ход.

Едва успев снять длинный плащ и передать его мужу, Александра буквально упала в свободное кресло напротив бабушки. Всё то время, что Олег разбирался с вещами и обнимался с успевшей соскучиться дочерью, Саша растирала покрасневшие стопы и чуть слышно причитала. Федора всегда это удивляло в невесте внука — девушке не было и тридцати, но она практически не переставала жаловаться на здоровье, усталость и прочие трудности.

— Больше я на этот балаган ни ногой! — громко отрезала она наконец.

— Как скажешь, милая, — отозвался Олег, входя в комнату за руку с дочкой.

Таня тут же бросилась на колени к матери. Та снова скривилась, будто от страшной боли:

— О господи! Полегче!

— Ну, как тут у вас дела? — спросил папа.

— Под контролем, — хмуро ответил бабушка.

Таня повернулась к матери и на ушко, но слишком громко сказала:

— А бабушка все проспал!

И тут же виновато уставилась на деда. Но он не ругался, а лишь выдохнул и развел руками.

— Лучше бы и мы спали! Все лучше, чем такие праздники. — Александра вновь начала жаловаться. — Все эти жалкие плясуны и дешевые певички... Хотя бы из Москвы кого пригласили. День Победы все-таки! Экономят на всем! А эта безумная толпа! Выход с площади один, народу тьма! Как на похоронах Сталина!

Она снова принялась растирать больные ноги.

Таня вдруг вспомнила:

— Мама, а вы мне ленточку принесли?

Мать посмотрела на нее с раздражением.

— Ох уж эти твои ленточки! Целый час искали, где их раздают. Все ноги оттоптали.

Олег вытащил из сумки с документами две гвардейские ленточки, завязанные бантиками и снабженные булавками.

— Иди, дочка, я тебе приколю. — Он присел и приколот одну ленту на груди у дочери. — А эту повесь бабушке.

Танечка ловко справилась с просьбой отца, и теперь они с дедом любовались ленточками друг друга.

— Я читала в Интернете, что это даже не настоящие ленты. Цвета не те, в войну другие были, — не отвлекаясь от ног, сказала Александра.

Олег подумал, что это может обидеть деда, но Федор Максимович не подал вида.

— Папа, а салют был?

— Был, дочка. Я на телефон снял, дома посмотришь.

Таня от радости подскочила и захлопала в ладоши.

Саше удалось, похоже, оторвать кусок кожи от мозоли, теперь она внимательно его рассматривала:

— Ну, салют — это громко сказано. Так, пять хлопков да три вялых пука.

— А где денег взять? Город ведь бедный, а комбинат денег на это не даст, — иронично заметил Олег.

— Да твоё премия на этот салют и ушла. Неофициально. Улетела в небо да по карманам чиновников. И пенсия ваша, кстати, тоже!

Кажется, она впервые заметила перед собой ветерана.

— Моя вроде при мне, — улыбнулся ветеран.

— Это вам только так кажется.

— Да, в целом я с тобой согласен («Еще бы!» — подумал Федор), раньше было лучше. И исполнители приезжали, и салют был лучше и дольше. Могли бы для ветеранов и постараться.

— Дедуль, а ты помнишь первый салют свой? — спросила Танечка, когда все уже стояли на пороге, ожидая, когда старенький бабушка закроет за ними дверь. Бабушка задумался на несколько секунд и покачал головой:

— Нет, дочка, не помню. Старый я, ничего уже не помню.

Бабушка соврал. Может быть, впервые за многие годы. Он многое помнил о войне, но никогда не говорил. Всю ночь, сидя в темноте у ослепшего из-за дождя окна, он беззвучно плакал и, вытирая слезы, перебирал в пальцах складочки приколотой к кителю ленты.

Он помнил свой первый салют. Осенью сорок первого зарвавшись и обнаглевшие, почти не атакуемые с земли и воздуха летчики

противника залетали далеко вглубь страны, восточнее Москвы, и уничтожали заводы и фабрики. В тот вечер очередной строй бомбардировщиков под прикрытием нескольких юрких мессеров, практически не набирая высоты, шел на восток прямо над головами деревенских мальчишек и подростков. Их целью должен был стать металлургический завод, быстро переходящий на производство танков. Но в этот раз наглым немцам нашелся достойный ответ. В зарождавшийся в годы войны Приокский авиационный гарнизон, в котором впоследствии служил и воевал Федор Максимович, по железной дороге медленно полз поезд с зенитными орудиями. Через несколько минут после появления в небе фашистов из леса начали бить зенитки, быстро и четко срезав крылья двум самолетам-убийцам. Хваленые асы на мессерах бросились прочь от слишком тихоходных бомбардировщиков.

Трусливые и застигнутые врасплох немцы начали сброс своих бомб, не долетая цели, прямо на деревню.

В одну минуту две улицы оказались стерты с лица земли. Пожар охватил всю деревню. Паника, огонь, убитые и раненые люди...

Застыв в ужасе, шестнадцатилетний Федор Селиванов смотрел в небо, где запоздавшие зенитки добивали вражеские самолеты. Взрывы и всполохи были так похожи на салют...

Литейный цех

О, какой это был денек! Последние снежные сугробы, черные от оседающей пыли и грязи, поднятой с разбитой дороги, еще лежали там, внизу. А здесь, на крыше литейного цеха, было по-майски свежо. Солнце расправилось с остатками снега на черном рубероидном покрытии, и нас послали «зачистить территорию» — убрать весь мусор, которого скопилось достаточно за время длительных простоев заводских цехов. Какое же это наслаждение — дышать свежим весенним воздухом после нескольких часов испарений и пыли в цеху. Товарищи мои, отряженные вместе со мной на это важное задание, сперва роптавшие, что «не за этим сюда устроились», теперь тоже осознали всю прелесть нашего сегодняшнего положения. Ей богу, мы были совсем как те парни из романа Кинга о тюрьме «Шоушенк». Помните, как старина Ред, умница Энди Дюфрейн и еще несколько заключенных занимались ремонтом крыши? Нам не хватало только пива для полного соответствия. Ну, и надзиратель у нас был всего один.

Вырвались ли мы из тюрьмы, переехав на одну смену на крышу? Как по мне — безусловно. Но я был в иных условиях, нежели остальные. Это был последний день моей отработки на заводе, я увольнялся.

Я мечтал об этом часе с первого же дня в литейном цехе. Работа

на заводе вообще редко бывает приятной, но здесь... Завод дробилок и молотилок долго переходил из рук в руки, несколько раз искусственно банкротился предприимчивыми хозяевами, пока совсем не рухнул несколько лет назад. В прошлом году неожиданно встретившийся с появлением народного фронта «УралВагонЗавод» выкупил пустующие цеха и организовал вспомогательное производство. Мы отливали детали для коробок передач тепловозов и тормозных систем вагонов. Литейный цех не работал и на треть своих прежних мощностей, но главное — работал.

Я устроился туда формовщиком. Должен сказать, это был не худший вариант, так как мне даже предоставили выбор — работать на новой линии или же на старой. Новая линия с итальянским оборудованием, выкрашенным в желтый цвет, производила впечатление. Старая линия производила на свет в основном отборный трехэтажный мат. Я выбрал новую, как любой порядочный конформист. Интересно, у всех ли был выбор? И если у всех, зачем люди выбрали работу на старой линии? Загадка.

Так как цех простаивал несколько лет, его рабочие, офисные и бытовые помещения пришли в негодность. И если в самом цеху старое оборудование было настолько громоздким и непотребным, что его и воровать было бессмысленно, то из кабинетов, раздевалок, душевых и даже коридоров вынесли практически все. К моменту, когда я пришел на предприятие, кабинеты мастеров и начальников успели обрасти старой, советских времен, кабинетной (не офисной, а именно кабинетной) мебелью и дешевой китайской оргтехникой. Судя по всему, «УралВагонЗавод» ничего не жалел для нового подразделения и массово снабжал всем хламом и старьем, что находил на своих просторах.

Новая линия хоть и считалась новой, называлась так уже скорее относительно старой. Итальянские станки и машины засорились и ломались через день. Кажется, это специфика русских — закупать станки, но не закупать агрегаты для их обслуживания. Каждый день под конец смены мы останавливали конвейер за час до ухода домой и вычищали все вокруг. Под транспортировочной лентой, над лентой, вокруг ленты, саму ленту. Машина, смешивавшая ма-

териал для форм, за смену приходила в совершенную негодность, и ее приходилось чистить несколько часов кряду следующей, обещенной смене. Вручную, небольшими топорами, приходилось колотить металлические стенки емкости для смеси до характерного блеска. Я с трудом представляю европейцев за этой работой. Хотя всё может быть.

Машина смешивала песок, некие абразивные материалы и клейкие субстанции (я никогда не интересовался составом) и засыпала в формы. Недалеко, практически тут же, женская бригада выполняла детали меньшего размера, которые вставлялись в форму большую. В этом и заключалась работа формовщика — собрать форму из одной большой и пяти-шести маленьких и средних деталей. Работа в целом не пыльная. Если бы не как раз таки пыль. Герметичность машины давно оставляла желать лучшего. Из нее валился абразив и песок. Формы выходили из печи хрупкими и на ленте оставляли песочные следы. В соседнем пролете в огромных ковшах выплавляли сталь, заливая ею формы дважды в смену. Все это сочетание превращалось в постоянный туман, завесу, с которой не справлялась никакая вентиляция. Впрочем, в ее существование давно перестали верить даже сами работники профсоюза.

Пыль и грязь, которые были везде, оседали на коже. Причем было не важно, работал ты в перчатках или нет, — руки уже к обеду отмыть было невозможно. Даже тело, скрытое униформой, становилось какого-то трупного цвета из-за пыли. Учитывая, что нормальными душевыми тут не пахло и до череды банкротств и последовавших мародерских расхищений, процесс отмывания становился невероятно сложным делом. Я, например, давно уже перестал посещать душ с его заплесневелыми стенами и струйкой воды, стекающей откуда-то с потолка. В умывальниках, стоящих в раздевалке, я минут десять отмывал руки и лицо до состояния, когда над ними не будут хотя бы ржать в автобусе. Остальное уже дома. О запахе можно было не беспокоиться: любой, кто работал в литейном, вонял серой так, что его легко можно было узнать в толпе.

Пыль заполняла карманы, кружки, оставленные после обеда на столе, покрывались сантиметровым слоем. Грязь забивалась под ногти,

и вытащить ее не удавалось неделями. Я, должно быть, как и мои коллеги, выглядел странно, всюду появляясь со сжатыми кулаками, дабы никого не шокировать своими ногтями.

Но самое печальное — пыль проникала внутрь. Мы дышали ею, пили и ели ее. После первой же смены в литейном ваши слюны и, прошу прощения, сопли превращались в черное нечто. Абсолютно черное! Ребята шутили, что мы можем «плевать асфальтом». Даже после выходных это не прекращалось.

Вскоре я набрался пыли и в глаза и вынужден был уйти на больничный. Но и тогда «плевать асфальтом» не перестал.

Нашим надзирателем на крыше был Михалыч — мастер нашего участка. С его брюхом, грузно свисавшим над солдатским ремнем, только и лазить было на крышу по старым, давно прогнившим лестничным пролетам и маршам. Надо же было додуматься — послать именно его. Но он не возражал, напротив, отдыхал от пыли и грязи вместе с нами. Собственно, из мастеров литейного цеха, с которыми мне довелось поработать, Михалыч один соответствовал занимаемой должности на все сто. В отличие, например, от сменщика своего Алеши, который давно уже носил кличку Голова. Что только головастый Алеша не придумывал, чтоб занять наше свободное на время простоев место. Человек невероятно изобретательный и абсолютно некомпетентный, он доставлял нам сплошные неприятности. Видимо, обижали в детстве. Или слишком мало били. Михалыч был куда более рассудительным и мудрым мужиком. Никогда не заставляя делать лишнюю работу, он быстро заслужил уважение всех бригад на всех участках.

За те несколько месяцев, что я работал в литейном, я успел сблизиться с несколькими ребятами, и нас даже стали именовать мини-бригадой, где я выступал за главного, хоть и был моложе всех. Хотя, взглянув на Сашку, никогда не сказал бы, что ему за тридцать. И внешне, и по манере общения он вполне соответствовал двадцатилетним юнцам, коих нас собралось тогда немало на заводе. Что уж говорить про Женьку, которого я знал всего недели две. На вид он больше походил на школьника — худой, с чистой светлой кожей, с едва заметными усиками, он словно смотрел на нас с фотографии

выпускного класса. А вот Леха, напротив, выглядел старше своих лет. Оно и понятно — при его образе жизни. Он хоть и увлекался спортом, но спиртом увлекался больше и чаще. И теперь в свои тридцать вполне походил на человека предпенсионного возраста.

Наша мини-бригада затеяла перекур. Парни закурили, стоя у стены какой-то чердачной постройки, а я, как некурящий, уселся на край крыши и свесил ноги вниз. Я достал телефон и попытался поймать сеть — бесполезно. Вышек сотовой связи поблизости не наблюдалось. Лишь старые, со щербинами трубы заводских печей и котельных. Тогда я стал пускать при помощи экрана телефона солнечных зайчиков в окно напротив, где молодые, симпатичные девчонки из БОТа уже насчитывают, должно быть, мне расчет.

Михалыч подошел к ребятам и тоже закурил.

— Леша, почему я тебя вчера на работе не наблюдал?

Леха отвел взгляд:

— В проходную не пустили.

Мастер усмехнулся:

— Как у вас все просто! Не пустили — пошел домой. Или дальше пить. Позвонить хотя бы можно было?

Леша молчал. Сашка крутился рядом. Леха сильно не любил Сашку после того случая, месяц назад, когда их задержали менты за распитие спиртных за магазином возле «Делового клуба». Они тогда с Валеркой, который уже уволился, и «отэкашкой» Светкой решили выпить после смены, а тут менты. Всех в «ГАЗель» и до наркологии. Лёхе с Валеркой с трудом удалось уговорить сержанта отпустить Светку. Якобы она из другого города, ей срочно нужно на последний автобус и вообще — она не пила. Освобожденная Светка бодрым шагом зашла за угол все того же магазина, упала, проблевалась, заснула и ни в какие Кулебаки в тот день уже не попала.

Когда «ГАЗель» тронулась, по рассказам Лехи, Саня начал доставать ментов просьбами «порулить», «подержать автомат», «включить сирену» и все в таком роде. Неудивительно, что в стенах наркодиспансера выдержка и доброта сердечная ментов окончательно покинули. Удивительно, что влетело больше всех Лехе, а вот Сашок отделался одним смачным поджопником. И то, кажется, от врача.

Михалыч затянулся и выпустил облако дыма.

— Смотрите, хлопчики, допрыгаетесь. Вылететь отсюда в два счета можно.

— А я вот и не держусь, — довольно вставил Сашка.

— Не держится вон, прораб ваш, — Михалыч кивнул в мою сторону. — Вот этот не держится. Заявление на стол и пока. А от вас одно и слышно: «уйду», «надоело». А потом ваши пьяные задницы прикрыть просите. Завязывайте, мужики, это несерьезно!

— Я не на это, может, учился. Я, может, и вовсе по энергетической части. А сюда так, на время устроился, — не унимался Сашка.

— Ха! Удивил! — Михалыч щелчком отбросил бычок и смачно сплюнул вниз, точно в фильме Тарантино. — Да тут все такие! Временщики. Ты вот, Алексей, кто по образованию?

Леха снова потупился, я спиной чувствовал, как он жамкает губами:

— Ну, прокатчик.

— А ты, прораб?

Я обернулся и скорчил серьезную мину:

— Бухгалтер.

— Да ладно! — искренне изумился Санька. — И что же ты тут делал?

Я пожал плечами, продолжая целить зайчиком в окно БОТа:

— Работал.

В разговор включился вечно скромный Женька:

— А я менеджер. Но с первого дня своего рабочего на заводе. Правда, на металлургическом. Здесь только недавно, — он запнулся и грустно выдохнул: — На время...

— Сам ушел или по статье?

— Официально сам. За прогул по пьянке попросили, настойчиво попросили написать по собственному.

Я был поражен, если честно. Женька виделся мне отличным парнем, хоть и весьма юным, но серьезным и ответственным. Он всегда приходил одним из первых и никогда не стремился сбежать пораньше. А с завода вылетел по пьянке... Видимо, зарекаться и правда ни от чего в этой жизни не стоит.

— Но я реально ненадолго здесь, — самоуверенно заявил Женька. — У моей подруги отец в отделе кадров заводском, надеюсь, поможет.

— Какой сброд понабрали, — рассмеялся Михалыч, кажется, единственный профессионал во всем цехе. Из присутствующих на крыше — точно.

— Вчера приняли новенького на старую линию — фельдшер! Двадцать лет мужик в деревне мордовской грипп старухам лечил да роды у всей округи принимал. А теперь к нам — за длинным рублем.

Мы все так и прыснули. Наш рубль если и был длинным, то количество этих рублей навевало тоску похлеще мордовской глуши.

— А что вы ржете, охламоны? Вам, может, и мало, а после мордовского леса и зарплаты раз в три месяца ему здесь золотые горы мерещатся.

— На Золотых сейчас хорошо! — я улыбнулся весеннему солнцу. — Снег, наверное, уже сошел, скоро сморчки пойдут.

— Что за сморчки? — Сашка не мог, кажется, не донимать распросами.

— Грибы такие, в виде мозгов. Тебе бы не помешало употребить, — огрызнулся Леха, но и сам заинтересованно спросил: — А где у нас Золотые горы?

Несколько минут я пытался всем объяснить, как отыскать Золотые горы между новым и старым «южными» кладбищами.

— А почему «Золотые»? — Сашка надеялся, видно, что название соответствует содержанию.

— Не знаю. Говорят, Баташевы там руду копали. А она тогда на вес золота была. Может, поэтому.

На крышу с матом ввалился Алеша Голова. Сперва сбегал на другой конец здания, где трудилась (так же, как и наша, — сидя на солнышке и травя свои байки) другая мини-бригада. Слышно не было, но, судя по тому, что посиделки закончились и работа закипела, разнос был капитальный.

От них подскочил и к нам:

— Сидим? Закончили? — он огляделся кругом и убедился —

закончили. — Отлично. Михалыч, тебя начальник участка искал, он у себя. Так, а вы, братцы-кролики, берите в кандейке лопаты, ведра и вперед — чистить «ямы» от песка. До конца смены вам хватит.

Спорить было бесполезно, но мы все устали на Михалыча, едва Голова скрылся за дверью вниз. Он лишь развел руками:

— Ну, вид сделайте. И на глаза этому черту старайтесь не попадаться.

Михалыч ушел к начальнику — получать за Леху, прогулявшего вчера, и прочие «косяки», большинство из которых самому Михалычу не принадлежали. Мы посидели еще немного, пока парни выкурили еще по одной, и поплелись вниз. На прощание одна из девушек в окне помахала мне рукой. Прямо как Рита Хейворт.

Внизу я решил, что работы на сегодня с меня хватит:

— Мужики, вы как хотите, а я пойду в обходной лист подписи собирать, пока все здесь. Потом ведь никого не найдешь.

— Давай. Если успеешь, мы в комнате.

Я пожал всем руки и пошел в раздевалку за обходным листом. С горем пополам за пару часов я собрал все нужные подписи, кроме инспектора по охране труда, который находился в другом цеху. Сдавывая униформу, я немало поскандалил с матерой бабкой-гардеробщицей, заставлявшей меня подписать бумаги, хотя в них значились лишние хлопчатобумажные футболки и пара ботинок 39 размера, которые мне были бы в пору классе в седьмом.

Когда я вернулся, примерно за полтора часа до конца смены, в комнате, где мы обычно обедали, собрались уже все. Леха и Сашка были здесь же, а вот Женьки не было. Мужики сказали, что он чистит «яму» или перетаскивает песок со склада. В одного? Заняться что ли нечем? Я пошел позвать его к остальным. Женька действительно копался в «яме», насыпая песок в ведра.

— Мужик, бросай ты это дело! Пошли, все чай пьют.

— Ага, бросишь тут! Алеша знаешь как орал, когда нас тут не нашел.

— Поорёт и перестанет. Мужики вон сидят, балду пинают, а ты что?

— Да им же плевать на все! Они завтра пьяные придут, их Михалыч прикроет. Я лучше здесь потаскаю.

Я пожал плечами и вернулся в комнату. Леха сказал, что Голова реально как с цепи сорвался — наорал и обещал всех уволить по статье.

— Вы чего же тут торчите?

— Пусть увольняет, — философски выпустил сигаретный дымок Сашка, — хуже не станет.

— Чего теряем-то? — вторил ему Леха, — пыльные ванны да мелочи стаканчик.

— Это да.

А что мы теряли, уходя? Как я, по собственному, или как Леха впоследствии — по статье? Если философствовать, подобно Сашке, то можно было дойти до того, что теряли мы авторитет и уважение в глазах наших коллег и работодателей, теперешних и будущих. А если рассуждать, как Леха, прагматично, то не теряли ничего. Так, пожалуй, вернее.

Я снова решил пойти за Женькой. Ну какой смысл ему одному там вкалывать, если сам сказал — временно здесь? Связи, подвязы — и снова в родной стихии металлургического завода.

Когда я пришел, Женька сидел в «яме» на одном из ведер. Он закрыл лицо руками, а его плечи характерно вздрагивали. В цеху было шумно, и я не мог слышать, но было понятно — Женька плакал. Я замер, не зная, подойти ли мне или нет. В литейном, этом старом и грязном цеху, среди прожженных и пропитых мужиков, я и думать забыл, что мужчины еще способны плакать. Я так и стоял, невидимый для Женьки, пока он не встал и снова не начал наполнять ведро. Тогда я спрыгнул к нему и заговорил так, будто не видел его рыданий. При этом я старался не смотреть ему в глаза, считая, что он сразу обо всем догадается. Это называется «иллюзией прозрачности», кажется. Тогда и мне казалось, что я точно знал, что заставило Женьку разрыдаться.

— Решил напоследок тоже спину надорвать, — заявил я весело, хватая ведра. — Не только же тебе.

Мы начали работать на пару. Дело пошло куда быстрее. Вскоре

я так разгорячился, что пот тек с меня ручьем. Я стравивал его со лба, и он черными каплями падал на пыльный пол. Даже пот был цвета асфальта в этом проклятом месте.

Закончив, мы прямо в «яме» сели передохнуть. Только тогда я, наконец, взглянул на Женькино лицо. Покрытое темным слоем пыли, с отпечатками рук на лбу и щеках, оно было расчерчено двумя светлыми тонкими полосами от глаз до подбородка. Удивительно, как слезы смыли с этих мест то, что мы с таким трудом отмывали в умывальниках.

Я протянул ему руку, и он пожал ее.

— Слушай, не все такие уроды, как Леха с Саней. Да и они неплохие ребята, просто им реально нечего терять. Они же спиваются, а для этого много денег и ума не надо. Вышибут отсюда, найдут варианты не хуже. Не стоит раскисать из-за этого.

Женька, кажется, понял, что я видел его плачущим. Он замолчал на минуту, а после расплакался снова. Это было так неожиданно, так наивно и по-детски, что я совершенно растерялся. Он посмотрел на меня, из глаз его бежали слезы. И я клянусь вам, что таких слез не видел больше никогда! Это были настоящие градины, чистые и светлые, оставляющие за собой дорожку светлой кожи.

— Я не из-за них плакал, — сказал он, судорожно сглатывая. — Мне страшно. Я боюсь тут надолго застрять, как они. Я не хочу, как они...

И он по-настоящему разрыдался, снова закрыв лицо руками. А я просто сидел напротив, не зная, как помочь ему. Я прекрасно понимал его, человека, в котором оставалось еще немало светлых уголков. В отличие от нас, превратившихся внешне и внутренне в людей цвета асфальта. Он видел, как мы падали на дно каждый день, и большинство из нас даже не старались подняться с него. И он не хотел застрять на этом дне вместе с нами.

Это был мой последний день в литейном. Вырвался ли я на волю, как Энди Дюфрейн? Пожалуй, нет. Чуть приподнялся над бездной, скорее. Надеюсь, Женьке удалось сделать это в полной мере.

Является ли литейный цех настоящим дном? Безусловно. Но и на дне могут постучать снизу. Спросите хоть у Лехи с Сашкой.

Бусыгин

Все мы видели в нем только старого и потрепанного жизнью бездомного. Собственно, он им и был, видимо, Бусыгин. В Выксе его знает каждый. Или уже знал? Исчезновение Петра успело так же обрасти легендами, как и вся его жизнь. Уверен, что и жизненный путь его, и недавняя пропажа — дело совершенно прозаическое. Я и не собираюсь вам превозносить этого человека или выдумывать о нем невероятные факты. Я хочу лишь рассказать один единственный случай, когда я повстречал Петю Бусыгина абсолютно трезвым, хотя и привычно грязным и дурно пахнущим.

Городские сумасшедшие, бродяги, бездомные — во все времена их хватало в любом городе, будь то столица или же обычный провинциальный городок. Их жалеют, их дразнят, их укоряют, над ними смеются дети, и отводят взгляд при их появлении взрослые. Но главное — почти ни о ком из них мы ничего не знаем. И каждый раз стараемся обойти стороной.

Бусыгин не был единственным «блаженным» в Выксе. Но точно был самым колоритным и узнаваемым персонажем города. Даже если вы не встречали его прежде, но вам рассказывали, — вы определенно узнаете его при встрече. Ведь любой рассказ о Петре Бусыгине непременно начинался с особенностей его физиономии — черной, как смоль от спанья внутри печи. Черное лицо, казалось, противопоставляет Бусыгина клоуну Пьеро — парню с белым лицом и черной слезинкой. И если Пьеро был грустным

клоуном, то Петя определенно являлся веселым человеком печальной судьбы.

Это было удивительное время перемен. Я окончил колледж и устроился работать. Город стремительно хорошел и преобразался к 250-летию металлургического завода. Вовсю шла реконструкция площади Металлургов (тогда еще просто бывшей автостанции), одевались в брусчатку микрорайон Центральный и улица Красные Зори. А вот площадь перед зданием заводоуправления была готова еще пять лет назад — к предыдущему юбилею. На этой площади я и повстречал Петра Бусыгина.

Он подошел ко мне, когда я уже битый час стоял у памятника, уставленного на площади, в ожидании каких-то документов из бюро пропусков. Бусыгин был привычно грязен, хотя лицо его не было сегодня черным от сажи. Пожалуй, впервые на моей памяти он был абсолютно трезв. Во всяком случае, относительно его повседневного состояния. Петя подошел и начал свой обычный, крайне неразборчивый и до ужаса нервирующий разговор обо всем сразу. Я старался делать вид, что просто не замечаю его. Ему, впрочем, совсем скоро удалось завладеть моим вниманием. Когда он поднял взгляд на памятник и неразборчиво, на своем собственном диалекте, который я даже не буду стараться передать, проговорил: «О, брат Ивашка и брат Андрюшка отцовские заводы делают!»

Бездомный лукаво улыбнулся, а я был поражен его познаниями о местной истории. На памятнике действительно был изображен эпизод из жизни братьев Андрея и Ивана Баташёвых — основателей Выксунских заводов.

Я повернулся к Бусыгину. Он подмигнул и снова посмотрел на памятник:

— Ишь, завещание от покойника Родиона получили и не нарадуются, стервецы! — Петр скрипуче засмеялся. А я был совершенно растерян.

— Я считал, что здесь эпизод с получением братьями разрешения от императрицы на строительство заводов, — моя версия была мной услышана много лет назад на экскурсии в городском музее, где хранилась картина, послужившая прообразом памятника.

— Это вряд ли. Ты картину видел?

Я прямо обомлел! Этот оборванец и про картину знает?!

— Видел, конечно.

Старик снова засмеялся своим скрипучим смехом:

— Смотрел внимательно? Там за окном уже виден Верхний завод. Как же они без разрешения Елизаветы Петровны его строить взялись?

Я попытался вспомнить изображение, которое видел несколько лет назад в музейной комнате. Кажется, Бусыгин был прав: в окне, у которого запечатлены братья, действительно был виден завод, напоминающий Верхний Выксунский. Но он ли это на самом деле?

— Это ни о чем конкретном не говорит.

Блаженный продолжал смотреть на памятник и усмехаться:

— Вон смотри, Андрюшка уже наживу чует! Ух, и злой был мужик! Матерый!

— Ну, уж это тебе откуда знать? Я слышал, что и брат его был тот еще барин, не из ангелочков.

— А ты на лицо посмотри, на сюртук его да на сапоги его со шпорами. Он этими сапожищами сам лично своих крепостных в землю втапывал. А у Ивашки нашего что платье, что туфли — модные, заграничные. Ими не грязь тульскую месить, а по скверу выксунскому прогуливаться да театры посещать.

Уже позже, под впечатлением от грязного «краеведа» Бусыгина, я вычитал в Интернете, что по завещанию отца братьев Родиона Баташёва, умершего в 1783 году в Москве, Андрей унаследовал заводы в Туле и Гусь-Железном, а Иван получил во владение выксунские металлургические производства.

Если честно, я просто не знал, что ответить этому старику. Я видел его каждый день, пьяного и грязного. И не мог даже представить, что в его голове может быть столько мыслей относительно истории отцов-основателей наших заводов.

А он продолжал рассказывать мне разные вещи, многие из которых были похожи на выдумки, а некоторые весьма походили на правду, сформировываясь в неожиданную и интересную версию тех далеких событий.

— Все это очень занимательно, но доказать это сейчас вряд ли возможно. Впрочем, как и опровергнуть.

— Не так уж и сложно, — Бусыгин прищурился и, вытянув шею, проговорил: — Завещание -то целехонько. Лежит себе под этим вот камушком, как фундамент для памятника да как основа всем Выксунским заводам. Хочешь, сам проверь. Надо только камушек приподнять.

Петя снова засмеялся, закашлялся тяжелым кашлем, попросил мелочи и, пожав мне руку своей грязной, трясущейся, но еще сильной пятерней, удалился, оставив меня в полном замешательстве.

Я вспомнил сейчас о том случае, думается, потому, чтобы еще раз напомнить: порой люди, кажущиеся нам потерянными и совершенно непригодными для жизни в нашем обществе, не так просты. Они скрывают в себе больше знаний, чувств, фантазий, чем мы можем предполагать. И больше, чем многие из нас. Мы не должны ставить крест на их жизни только из-за того, что судьба или случай оказались к ним неблагоприятны в какой-то момент их жизни. Но даже не получая от нас той помощи, на которую они могли бы рассчитывать в иной ситуации (читай — в другой стране, при другом развитии общества и при другой власти), такие несчастные, как Бусыгин, не стали накапливать и таить злобу на окружающих. Они жили и живут бок о бок с нами, не причиняя вреда и лишь изредка напоминая о своем существовании. Каждый своим способом. И пока дети продолжают смеяться, а взрослые отворачиваться, эти люди не смогут выбраться из круговорота своих проблем. Они так и остаются непринятыми и непонятыми нами. И очень большой вопрос: есть ли в этом их вина?

Куриха — Лондон

— Надо было учиться на пятерки, хе-хе, — пьяным голосом усмехнулся Федорыч. — Сейчас бы работали начальниками.

Я, припомнив свой троечно-четверочный диплом бухгалтера и четверочно-пятерочный —эксперта-оценщика, так и не решил, подтвердить ли данное утверждение или опровергнуть.

Ветер задувал все сильнее. Всю позднюю осень и пришедшую календарную зиму ветер сменялся дождём, плюс — минусом, лужи — гололёдом, сосульки — капелью, ручьи — хлопьями снега. Одни лишь тяжёлые серые тучи совершенно не желали уступать кому-либо столь полюбившееся им место.

В обеденный перерыв я решил подняться на плотину. Несмотря на холодный ветер и начавшийся дождь. Вид воды всегда рождал во мне особые чувства. Возможно, потому, что я едва не утонул когда-то давно, в детстве, и после этого долгое время панически боялся воды. Даже в ванной. Зато теперь ничто не успокаивает меня так, как шелест волн. Даже мой новый страх номер один — автомобильная катастрофа — отступает, стоит мне завидеть из окна машины

озеро или реку. А уж когда машина пересекает мост над широкой рекой! Чистый восторг!

Вильский пруд оказался довольно большим. Во всяком случае, явно больше, чем на карте, на которой я видел его прежде. Да, я никогда не бывал тут раньше, хотя давно об этом мечтал. Вышло так, что сюда меня привела тяжелая и грязная работа, на которую, в свою очередь, меня привела судьба.

Я окинул набережную взглядом. И всё - то у них тут как я люблю! Морсящий холодный дождь, ледяной ветер, ржавые, скрипучие качели у самой воды, брошенные небрежные раздевалки — чуть поодаль, пустующая спортивная площадка на самом краю поселка да торчащие из-за старых низеньких крыш купола церквушки. Колорита добавлял музей узкоколейной железной дороги под открытым небом. Правда, весь музей — небольшой участок этой самой узкоколейки и стоящий на ней вагон в сцепке с тепловозом. Оба стальных истукана оказались лишены внутренностей, каждый своих: вагончик — кресел и убранства, тепловоз — двигателя и вообще всех механизмов. Оба стальных каркаса были выкрашены в зеленый цвет. Цвет волны Вильского пруда, так сказать.

А когда-то они катили по этой плотине и еще почти полторы сотни километров своих пассажиров. Местные и завсегдатаи этого маршрута называли поезд «Куриха — Лондон» и никак иначе.

Куриха — Лондон, брат, и его бессменный — в последние годы узкоколейки — машинист Фёдорыч сейчас, увы, лишь раритет, экспонаты, стоящие на запасном пути.

Еще до встречи с ним воочию слышал я от одного фантазёра такую байку: якобы однажды Фёдорыч проснулся после хмельного сна в своём кресле машиниста, с пьяных глаз глянул в окно верной боевой машины и совершенно обалдел, не увидев ничего, кроме молодых кудрявых берез. Куда ни глянь — листья да прутья, словно это общественная баня! Не разглядев и рельс, Фёдорыч с испугу выскочил из тепловоза, крестил грудь и вопил: «Упаси, Господи! В лес свернул!» И только тогда, оглушенный взрывом хохота, смекнул он, что попался на крючок димарских ребят, не упустивших шанс разыграть напившегося мужика.

Сегодня же Фёдорыч вынужден доживать свой век по соседству со своим старым тепловозом — в котельной при детском саде. Там мы и повстречались. Мы, как могли, помогали ему коротать время двенадцатичасовых смен. Словом и делом. Заметив, что кочегар любит поболтать, а истории его на редкость занимательны, я задавал ему множество вопросов. Мы уходили делать работу, а когда возвращались, старый машинист развлекал нас и себя рассказами о своём «поезде-клубе». В клуб вагончики лесного состава превращали многочисленные учащиеся училищ и техникума, торопящиеся в город и обратно. Поезд становился центром студенческого мира!

Фёдорыч в самых ярких красках и нелитературных эпитетах описывал нам те праздники, что закатывали весельчаки на Курихе, беспорядочную беготню по вагонам во время длительных стоянок на Уноре, безумные встречи поезда на Димаре, где местные хулиганы закидывали подъезжающие вагоны камнями.

На мой вопрос о самом запоминающемся месте на всём пути от Курихи до Лондона кочегар отвечал без раздумий: Даниловские Печи. Ответвление основной магистрали от Унора убегало вправо, в направлении Рязани. Прокатившись по Рязанской губернии, поезд возвращался в губернию Нижегородскую, в лесной посёлок Даниловские Печи. Среди рабочих и станционных людей популярнее было название Угли-Печи или просто Печи. Именно в таком виде оно и сохранилось на схемах конца века. Двадцатого века и века узкоколейной дороги.

— Мы-то звали эти Печи Барскими, забывали имя барина! — смеялся Фёдорыч, сделав большой глоток из полторашки с пахучим самогонном, предложенной моим коллегой.

— Что же там могло быть запоминающегося, среди копоти и сажи угольных печей?

— Там, дружок, петухи поют на три губернии! — многозначительно поднял вверх указательный палец бывший машинист и захрустел яблочком.

Он всё рассказывал и рассказывал. Кажется, обо всём на свете. Но, конечно, про «железку» — с особой теплотой и удовольствием. Я бы мог пересказывать его истории еще очень долго, но оставлю эту

затею для краеведов, которые, я уверен, создадут рано или поздно добротный труд о Выксунской узкоколейной железной дороге.

— Вы бы могли быть отличным гидом по этим местам, — предложил я, собирая вещи после смены.

— Кому мы нужны? «Железки» давно уже нет. Меня, считай, тоже.

Пока мы переодевались, Фёдорыч заставил меня задуматься своим коротким, но огненным монологом:

— Я алкаш. И сын мой алкаш. Раньше мы с ним на одного чурку работали. Воровали, конечно. Этот чёрт нас выгнал. Теперь вот тут работаем. Да, тяжело. Да, платят мало. Зато спокойно. Пей да спи — что еще надо?

Он весело выдавал матерные словечки с частотой два к одному, дивился странным новым порядкам на заводе, где «нынче ни украсть, ни выпить», посмеивался над своей и общей бедностью.

Едва мы попрощались и покинули котельную, я решил поделиться своим удивлением с коллегой:

— Нашел чем гордиться!

— В каком смысле?

— Я, говорит, алкаш! И сын мой алкаш. И внуки будут алкашами. Как будто про династию космонавтов рассказывал!

— Опять не понял, — коллега мой был порядком пьян и непорядочно серьезен.

— Да Фёдорыч. Нам сейчас говорил...

Коллега глянул на меня как на приспешника Обамы.

— Гордиться? Эх ты, писака! Инженер человеческих душ, мать твою! Ты же должен насквозь всех видеть! Да он же задыхался от слёз! Просто виду не подал...

Я виновато замолчал, потупился и, кажется, покраснел.

По пути на остановку мы зашли на площадку с тепловозом. Я попросил меня сфотографировать. Сидящая неподалеку на скамейке пожилая дама понимающе улыbnулась. Проходя мимо, я спросил:

— Что, мать, довезет нас этот поезд до Лондона?

— До Лондона, пожалуй, довезет, — ответила бабушка. — Только вот Курихи нет.

Консервы

Разводились мы с женой. Тихо, мирно расходились, по-христиански — с битьем посуды и парой истерик. Тех самых истерик, которые, как черная дыра, вбирают в себя всех обитателей квартиры, соседей и даже близких и не очень близких родственников.

Развод — дело мутное. Во-первых, нужна веская причина. Если для женитьбы достаточно неких аморфных чувств, выдаваемых за любовь, то для развода одной нелюбви маловато. Особенно учитывая наши социальные особенности: одна жилплощадь на двоих, и та съемная. Ну, причина, допустим, нашлась: я изменял и врал. Изменял я, правда, лишь в фантазиях, да и то — в фантазиях жены. Но врал. А если подумать, измена и есть враньё. А враньё — измена. Выходит — изменял. По совокупности, как ни крути, выходило, что я негодяй.

Тут нужно бы вставить пресловутое «во-вторых». Во-вторых, я дико устал от ее нападков. Даже изменники и врунишки иногда устают от критики. В лексиконе моей жены была минимум сотня слов на «-ист», самым корректным из которых являлось слово «футболист», правда, подкрепленное прилагательным «хренов». И все они употреблялись в отношении меня в негативном свете. Удивительная способность!

Короче, мы расходились. Окончательно в этот раз. Потому что расходились на время мы более-менее постоянно. Начался делёж

имущества. Точнее, каждый вывозил со съемной квартиры свои скромные пожитки. Мне всегда нравились истории о мужиках, которые, расставаясь со своими барышнями, брали с собой лишь запасные трусы и подушку. Но из того, что приходилось забирать мне, практически все было куплено родителями, поэтому бросить вещи было бы верхом наглости и глупости.

Когда имущество было поделено, жизнь порознь немного вошла в русло, а до суда оставалось несколько недель, жена нашла-таки новый повод для стычки. Старые журналы. Кроме смеха, старые журналы «Космополитен». Очень много. Несколько коробок приличных размеров.

— Ты два года божился их сдать! — кричала она в трубку. — Приезжай и заведи их. Мне сильно нужны деньги.

Сдать макулатуру, чтобы разбогатеть. Женщины!

Я решил забирать коробки по одной. В конечном итоге, забрал я ровно одну. Довезти ее до ларька вторсырья было проблемой, так как из транспорта я владел лишь велосипедом (чертов велосипедист!). В целом, не обладая большим опытом в бракоразводных процессах, с уверенностью скажу одно: развод в июле выматывает вдвойне. Духота, жара, не спасают ни шорты, ни отсутствие носков. До пункта приема макулатуры добрался я уставший и весь мокрый.

Только тогда я по-настоящему осознал, насколько же тяжелое это дело — развод.

Принимали вторсырье в небольшом вагончике без окон, большую часть которого занимал склад. За узкой скрипучей дверью таился столь же узкий коридор в три шага длиной, который вел в своеобразный офис. Здесь, сидя на пачках принесенных журналов и газет, вела свой нехитрый бизнес хозяйка сего заведения — полная женщина лет пятидесяти со следами запоя на лице.

Стоя перед входом в царство макулатуры, алюминия и жести, я вдруг припомнил, как в детстве мы с друзьями сдавали бутылки из-под пива и тратили заработанное на мороженое и семечки, наблюдая за футболистами на местном стадионе. Сколько нам тогда хватало бутылок для счастья — восемь, десять? Большие деньги! Может, и эти журналы озолотят мою жену?

— И это все? — мрачно покосилась хозяйка на стоящую на весах коробку с журналами.

— Пробная партия, — попытался я отшутиться. Судя по всему, на нее мой юмор не подействовал (клятый юморист!).

— Семнадцать килограмм, — холодно резюмировала женщина. — На 76 рублей.

Твою же мать! Семьдесят шесть рублей — вот цена моих стараний и переживаний. Сколько, интересно, у нее дома таких коробок? Штук пять? Десять — максимум. Что она сможет купить на 760 рублей? Закажет очередную туалетную воду из этих самых журналов или набор суши из кафе, где авокадо подменяют огурцом, а угря — сайрой.

— Хорошо, — говорю, — тоже деньги.

Хозяйка заведения сидит с отрешенным видом.

Я продолжаю намекать:

— Семьдесят шесть рублей. Почти целая шаурма.

— Денег нет в кассе, — без лишних эмоций рапортует владычица вторсырья.

— И что мне делать? Тащить этот чемодан назад?

— Вот, — тянет мне обрывок листа с двумя цифрами и корявой подписью, — придешь в среду, желательно с утра.

Да уж, история. Нужно звонить жене.

— Да, сдал. Сто сорок семь рублей, — приукрасил я действительность почти вдвое.

— Отлично! — оптимистично воскликнула она. — Занеси мне деньги и заведи остальные коробки.

— Мне еще не отдали деньги, но обещали отдать в среду.

Она немного расстроилась, словно эти деньги были нужны ей срочно.

— Может, ты их пропил?

— У них просто не было денег в кассе. Но я сердечно заклинал женщину на приемке не пользоваться шампунями из пробников до полного расчета.

— Ладно. Тогда до среды заведи остальные.

— Хорошо, — бодро соврал я, твердо решив больше не связы-

ваться с этими журналами. Даже удвоенная сумма казалась мне смешной. Коробки с журналами ждал печальный финал в костре.

Семьдесят шесть рублей. Или сто сорок семь, в моей версии. Не мудрено, что я совсем об этом забыл. Почти уже бывшая жена напомнила.

— Я так и знала, что забудешь, ты же эгоист! Забери их и привези вечером.

— Тебя что, реально спасут эти 150 рублей?

— Дело не в сумме! — привычно закипала она, когда я осмеливался спорить.

— А в чем тогда?

Она бросила трубку. Карррамба! Нам, картавым, всегда нравится представлять, как мы рычим это загадочное слово в минуты досады. Конечно, я выругался куда лаконичнее и грязнее.

Утро давно уже миновало, солнце торчало над головой, когда я приехал к пункту приема.

Интересно, подумал я, а после развода я тоже стану вторсырьем? Для той, которая обратит на меня внимание. Вторичный рынок железных. Бывший в употреблении. С пробегом. Каков процент моего износа? Судя по желанию снова жениться — он весьма велик.

Я зашел внутрь и сразу отметил, что в прошлый раз ошибся. Пивом пахло не от сданной алюминиевой тары, а от хозяйки вагончика.

— Денег нет. Не привезли.

— Да что вы говорите?!

Я не стал даже спорить. Баба делала свой бизнес на таких, как я.

Я вышел на улицу и задумался о том, сколько она могла выпить за мой счет? Бутылки две, если добавить немного. Тут кто-то хлопнул меня по плечу.

— Привет!

— О, привет! — это был Жарков, мой старый школьный друг.

Мы разговорились. Немного о моем разводе, немного о его женитьбе, перешли на вечные темы и решили выпить.

— Бабуля зажала мои 76 рублей, — жаловался я.

— Я угощаю, — понимающе отозвался Жарков.

Угощал Жарков всегда охотно, но довольно странно — покупал

бутылку светлого пива мне, две бутылки крепкого себе и целый пакет алкогольного коктейля на вечер.

Мы отправились в бывший торг.

— Слышал, Ленина законсервировали? — нужно же что-то обсудить в дороге, видимо, думал мой друг.

— В смысле?

— В прямом.

— ЛенинО? Что за Лена? И что у нее законсервировали?

— ЛенинА! Дворец культуры.

— Надеюсь, хотя бы в собственном соку?

— Этого я не знаю, — с какой-то обидой ответил Жарков. — В Интернете прочитал.

— И что же значит это слово — законсервировали?

— Закрыли. Совсем.

— Он и до этого много лет был закрыт.

— Но теперь-то — совсем!

Мы взяли пиво и отправились на скамейки к фонтану. Полдень рабочего дня, а мы пьем холодное пиво в тени высоких лип и стройных рябин. Красота! В соседних домах, как могут, спасаются от палящего солнца, закрывая окна отражающей пленкой. Она отбрасывает причудливых зайчиков на стены и асфальт, который плавится от жары.

— Интересно, — начинаю я философствовать «под пивко с рыбкой», — если Ленина они законсервировали, то что должны сделать с бассейном? Каждому строению нужна своя терминология.

— Для бассейна не может быть цензурных терминов, — так же философски заметил мой товарищ.

— А мне кажется, они его заморозили.

— Странно, почему тогда из замороженного бассейна не вышел ледовый каток?

Вопрос остался без ответа.

Я смотрел по сторонам. На фонтане отваливалась плитка, сквозь брусчатку пробивались сорняки, на библиотеке текла крыша, на здании почты потрескалась штукатурка, а мы пили пиво в общественном месте посреди рабочего дня. И лишь здание прокуратуры светилось

и сияло новизной в лучах беспощадного солнца. Нас всех можно было консервировать.

— Я слышал, что, когда строили дворец Лепсе, затрачивая на это огромные деньги, один несознательный товарищ высказал крамольную вещь: мол, «дворец, а полетит, как скворец».

— И что? — я ничего не понял.

— И ничего, — Жарков сделал глоток, — улетел на Соловки.

Мы выпили еще.

— Мне кажется, можно законсервировать все, что угодно. Дома и улицы, заводы, фабрики, учреждения и даже целые города. Даже людей!

— Взять хоть «Родину»! — поддержал меня Жарков.

— Поздно. «Родину» давно пора снести.

— В ломбард!

— Я про кинотеатр...

— Ааа... — разочарованно вздохнул друг. — А вот гостиницу «Россия» еще можно реконструировать.

— Гостиницу -то да. А как быть со страной?

Жарков хлопнул меня по плечу:

— В ломбард!

Мы допили пиво. Молча. Стоит только подумать о России, Родине, бассейне и Ленине, как говорить уже ни о чем не хочется.

— Ну, ты домой сейчас? Мне в ту же сторону.

— Нет, пойду к жене, надо отдать ей деньги за макулатуру. Кстати, займи 147 рублей.

— Ого, какая точность. Тут дело явно не в деньгах.

— А в чем тогда?

Но и этот мне отвечать не стал, просто сунул две купюры, пожал руку, пожелал удачи и, пошатываясь, пошел прочь.

Через полчаса я был у нее. Полчаса на жаре после бутылки пива губительны для меня, увы. Я пытался отдышаться в подьезде. Собственно, какое мне дело, что она подумает? Мы ведь почти разведены.

Я постучался и попросился в туалет. Она молча уступила дорогу. Я смог умыться и перевести дух. Реально полегчало.

В коридоре мы некоторое время молчим.

— Ты что, пропил мои деньги, аферист? — наконец спрашивает она.

— Нет, меня угостили.

— Жарков, — это даже не вопрос, но я утвердительно кивнул головой. — Ты его спаиваешь.

Странная логика. Странная женщина.

— Деньги вот. — Кладу на холодильник. — Или ты просто хотела увидеться?

Снова молчание.

— Ты слышала, Ленина законсервировали?

— Что? Какого Ленина?

— Давай мы наш брак тоже законсервируем, а? Все, что нельзя починить, нельзя возродить, нельзя открыть заново, но и сносить еще рано, потому как жалко и обойдется дороже, нужно законсервировать. На время. Или навсегда. — Я сделал шаг навстречу. — Ведь нет ничего более постоянного, чем временное. А брак самый крепкий, как известно, на грани развода.

Она немного помолчала и улыбнулась:

— Довлатовщина.

Я улыбнулся в ответ и обнял ее:

— Немного.

****

Струны молчат. И некому выпить
Звонкую тишину.
Звезды на небе причудливой сыпью
Бледную ищут луну.
Бьются сердца. Горячо, но не слышно,
Словно огонь у печи.
Он сожалеет: «Жаль, что так вышло»...
Ну а в ответ: «Помолчи».
Просто молчи, и не нужно излишнего
Гнева иль что там еще...
Взгляд одинокий из фото давнишнего —
Этим закроем мы счет.
До сорока. А потом — все по-старому.
Только не так, как всегда.
Всё потеряли, что с сердца ударами
Время уносит, вода.
В горло свинец засыпается ложками,
В сердце — тяжелая ртуть.
Воздух отныне не балует легкие,
Саблей врезается в грудь.
Больной и жёсткой сжимается лапой
Слезоточивости газ.
Я — это вы, мои мама и папа.
Каждое слово — для вас.

****

Мы судьбою обвиты,
Как планета — орбитой
Самой близкой к ней лун;
Безусловно, я лгун.

Ну а ты? Добродетель.
И не знают лишь дети,
Как сходились мосты?
Где был я и где ты?
— На огромной комете,
Несущей мечты.

В бесконечной вселенной,
Где во тьме незабвенной,
Среди множества звезд,
Был наш мир — он так прост,
Сложен тем, кто не с нами.
Мы же делимся снами
Только с теми, кто рядом.
Кто с восторженным взглядом
Сам накрыт чудесами,
Как роскошным нарядом.

Мы с тобою едины,
Словно две половины,
Две неравные доли
Разноплановой роли,
Две струны на гитаре.
Потому мы и в паре,
Что вдвоем интересней!
Мы — слова старой песни
В сольном репертуаре
Вечно юного Пресли.

****

— Тут нет, — говорил он, — асфальта.
Терпи, брат, нас будет трясти!

— Куда мы? — Туда, куда карта
Не сможет тебя завести!
Травил свои байки в дороге,
С сомнением, может быть, спеть?
Я носом клевал, как в берлоге
Разбуженный в зиму медведь.
Мне голос казался знакомым.
Истории все — на слуху.
Я крепче закутался, сонный,
В тулупчик на рыбьем меху.
За пылью подернутой шторкой
Дорога входила в вираж,
В снегу замерзали пригорки —
Застуженный вьюгой пейзаж.
— Куда ты завез нас, сердешный?
Ведь здесь только поле и снег!
— Не бойся, начальник, я здешний.
Заедем ко мне на ночлег?
— Часы потеряем, потонем
В долгах за испорченный груз...
— Нагоним, начальник, нагоним!
Я мамой родною клянусь!
Она у меня захворала,
А я — все из рейса да в рейс.
Есть деньги, да времени мало!
Сойти бы с накатанных рельс!
Взмахнул он тоскливо руками,
А я попытался зевнуть.
— Ну, к маме?!
— Поехали к маме!
Ведь это и есть верный путь.
И он засмеялся: — Начальник!
Давай и к твоей на часок!
Но я улыбнулся печально:
— Да не к кому ехать, браток.

Мы молча поехали дальше,
И прятал я влагу в глазах.
И страшно хотелось, как раньше,
Мне маму обнять в воротах...
Шофер мой ругался и крикал,
Вот как, мол, тяжел его путь!
И целую ночь он проплакал
В родимую мамину грудь.
А утром, согревши ладони
И сбросив вчерашнюю грусть,
Он крикнул: — Начальник, нагоним!
Нагоним, я мамой клянусь!
И тихо шепнул я: — Да черт с ним...
И вышел, захлопнувши дверь.
Но, если таким я был черствым,
Зачем я так мягок теперь?

****

Межсезонье царит в природе:
То не осень, но и не лето.
Только в этом лихом походе
Наша песня еще не спета —
Впереди еще два куплета.

На березе желтеют листья,
Светофором горят рябины —
Осень теплой и мягкой кистью,
Своим нравом неукротимым
Пишет нам октябрю картины.

А потом косыми дождями —
Допоеет, отзвучит, прольется,
В час закатный простится с нами.

Это яркое теплое солнце
Лишь в апреле теперь вернется.

Но не нам горевать и плакать
По увядшей родной природе.
Белый снег скоро скроет слякоть,
И тогда согласятся в народе:
Белый цвет, как и прежде, в моде.

****

Мы целовались внутри старой арки,
Счастье у ветра украв.
Трубы дымят на манер скороварки,
Неба меняя состав.
Рыжего дыма облако движется
В сторону старых церквей.
Ты позволяешь мне много, бесстыдница,
В свете ночных фонарей.
Запахом серы пропитаны улицы
Сверх всех положенных норм.
Два человека беспечно целуются
В царстве причудливых форм.
Здесь, в этой арке, под сводами низкими,
Каждому выпала роль.
Ты не такая. Ты пахнешь ирисками.
Губы — сладкая соль.
Бросили ждать мы и прочь — подворотнями,
Где под гитару вино.
Ты зашептала слова приворотные.
Впрочем, я твой уж давно.
Грязный намек хоть чуть-чуть попостельничать —
Дань уваженья весне.

Мы любовались картиной Малевича,
Спрятанной в темном окне.
Ветер принес рыжеватое облако —
Дар от плавильных цехов.
Пахло сиреню и, кажется, порохом.
Так в Выксе пахнет любовь.

****

Не за горизонтом — где-то дальше,
Не за облаками — где-то выше.
Там, где голос мой никто не слышит.
Там, где никогда я не был раньше.
Там должно быть то, что мне незримо,
До чего нельзя мне прикоснуться.
Те, кто там блуждают, не вернуться,
На земле не будем мы едины.
Тем далеким людям светят звезды,
Те, что не видны обычным взглядом.
Там, где не бывает слишком рано,
Там не может быть и слишком поздно.
Нас туда не пустят раньше срока.
Срока, что отмерен нам судьбою.
Мам, мы повстречаемся с тобою
Где-то у вселенского истока.
Из того великого фонтана
Бьют ключом серебряные искры.
Все, кого привык считать я близким,
Обнимать меня с улыбкой станут.
В парке, под дубами вековыми,
Что раскинут кроны облаками,
Все, кто уходили стариками,
Снова меня встретят молодыми.

****

После глупой и вычурной ссоры,
От которой бесстыдством разило,
Забрала с собой всё, даже шторы,
За которыми рама-верзила.

Всё ушло и теперь — безвозвратно.
Я же принял как есть, на заметку.
А за рамой оконной квадратной
Птицы прыгают с ветки на ветку.
Я теперь в том окне — на ладони.
И пускай все соседи взирают,
Как припадки зловещих агоний
Нас когда-нибудь выведут к раю.
Пусть кидает в стекло диким ветром
Предпоследнюю зимнюю стужу.
Мне в дыру полтора на два метра
Будет проще плевать наружу.
А снаружи бессмысленно серо,
Как в сердцах у любимых мной женщин.
Я опять лягу спать в шифоньере,
Где остались ещё её вещи.
Может быть, она утром вернется
Злым дыханием, голосом резким
И спасет мирный сон мой от солнца,
Нацепив на окно занавески.
И тогда заживем, как и было!
В темноте, как в пещерах глубоких.
Позабыв, что есть рама-верзила,
А за ней — целый мир одиноких.

****

Кто последний здесь? Эй, ответь, народ!
Да откликнитесь! Иль все первые?
Тишина вокруг. И стекает пот,
Как мне кажется, выбитый нервами.
Слышь, скажи, мужик, а куда стоим?
Объясните мне, что за очередь?
Шепчут тихо мне: «Все на встречу с ним.
А ты думал, что? К царской дочери?»
Да к кому «к нему»? Не возьму я в толк,
С кем мне выпала доля встретиться?
Оглядел себя, вижу — рваный бок.
И в груди моей дырка светится.
Так, приехали... Стало быть, в раю.
Но когда ж я успел преставиться?
Помню, песню пел про любовь свою
Для зеленых глаз, для красавицы.
А она возьми и скажи в ответ,
Мол, любовь твоя не видна ни зги.
Видно, тут-то я и оставил свет.
Видно, лопнуло сердце вдребезги...
Простоял весь день, дело к ночи уж.
Наконец позвал голос ласковый.
А вокруг спуют миллионы душ,
Не скрывая здесь лиц под масками.
— Не грешил ли ты пред лицом моим? —
Голос строгости приобавил в тон.
— Глупо было бы, коли жить хотим
На земле лишь раз, твой блюсти закон.
— Так чего, ответь, ты забыл в раю?
Твое место там, где смола кипит!
— На земле обрел я любовь свою,
Мое сердце там, где ее стучит.

— Так она, глупец, посмеялась лишь,
Проигрался ты, и по-крупному.
— Может, ты и прав. Только проигрыш
Как представить мне сердцу глупому?
— Что ж, верну тебя я к любви твоей,
Коль небесных ты недостоин врат.
Только впредь же будь благодарен ей,
Что житье твое превратится в ад.
И очнулся я подле милых ног,
Из последних сил кроткий взор поднял.
— Я из рая к Вам воротиться смог,
Чтобы Ваш котел моим домом стал.

****

Я опаздывал... Помню смутно...
Дурацкий сон.
Прибегаю, уже под утро.
Пустой перрон.
Я от пота в сырой одежде.
Промок насквозь.
С кем-то близким был вместе прежде.
А нынче — врозь.
Лишь колеса стучат протяжно
Вагонам вслед.
Этот вечер был самым важным
За много лет...
Рухнул я, об бетон колени
Разбиты в кровь.
И со мною осталось бремя
Последних слов.
Не успел рассказать о многом,
О чем молчал.

Разделила теперь дорога
И тот вокзал.
Я кричал в пустоту упрямо,
Что было сил:
«Я люблю тебя, слышишь, мама?!
Всегда любил!»
И беззвучно слова летели
Вагонам вслед.
Я очнулся в сырой постели,
А мамы нет...

****

На вдохновение надежды нет — я пуст.
Задумки и наброски прозы скисли.
В плену у диких, позабытых чувств
Мои незарифмованные мысли.
И чушь одна струится на листы,
Испорченные кляксами привычно.
Приходится признать: отныне ты
Не можешь больше быть мне безразлична.
Тетрадь заполнил целый миллион
Случайных фраз и мимолетных знаков.
По Фрейду, я давно в тебя влюблен.
А Фрейд не ошибается, собака!
Твоих волос небрежный завиток
В моих записках виден повсеместно.
И между грустных и веселых строк
Все могут прочитать, как ты прелестна.
Смотри, как пляшут гласные в словах.
Понятно, отчего так происходит:
Вчера я утонул в твоих глазах
На крохотном бумажном пароходе.

Среди рисунков на полях страниц
Возможно распознать твои изгибы.
Лишь легкое движение ресниц —
Нелегкая и сладкая погибель.
Я буквами рисую твой портрет —
Не так, как это делают обычно.
Заметил только старый олух Фрейд,
Что ты отныне мне безразлична.

****

Достану я пижонский котелок,
В полосочку коротенькие брюки.
В карман на фраке заложу платок
И трость возьму из зонтика я в руки.
Я нанесу простейший самый грим,
Приклею даже усики из пакли.
Я заучил немало пантомим
Из тех, что вытворял когда-то Чаплин.
Я выйду на октябрьский мороз,
Не замечая взглядов удивленных.
И стану ждать тебя под светом звезд,
Который вдохновляет всех влюбленных.
Прожду, быть может, час, а может, два,
Быть может, даже весь морозный вечер.
Пускай идет по городу молва,
Что объявился новый сумасшедший.
Смеются надо мною, ну и пусть,
Не зря я выношу позором пытки.
Однажды непременно я добыюсь
Твоей такой знакомой мне улыбки.

****

Ты подарила мне тетрадь,
А в ней — наивные стихи.
Клянусь, прелестней чепухи
Не доводилось мне читать!
Ты рифмовала «кот» и «ток»,
Не расставляла запятых.
Но в тех словах, таких простых,
Сквозило чувство между строк!
И в череде неровных букв,
Ошибок, исправлений, клякс
Я ощутил, как в первый раз,
Тепло твоих девичьих рук.
Страницы, строчки и листы
Мне открывали новый мир,
В котором ты и твой кумир,
И на двоих — одни мечты.
Не отрываясь до утра,
Я убеждался вновь и вновь,
Что тонко чувствовать любовь —
Важнее тонкости пера.
Ты подарила мне тетрадь
С неровным почерком левши.
Клянусь, столь любящей души
Не доводилось мне встречать!

****

Беспечных дней пора прошла.
Теперь заботы и дела.
И время — звонкая стрела —

Летит со свистом.
И так за днем проходит день —
Отчет квартальный и мигрень.
А за окном цветет сирень
Под небом чистым.
В саду черемух белый цвет
Уже почти сошел на нет
И сотней крохотных комет
Упал под ноги.
Там, за забором, старый пес,
Что справно службу свою нес,
Из будки показал лишь нос —
Отбой тревоги.
Запечь картошку в костерке,
Читать в уютном гамаке,
Забыть, что где-то вдалеке
Отчет маячит.
Гитары слушать перебор,
Вести с соседкой глупый спор
О том, что я и до сих пор
Влюбленный мальчик.
На ясном небе звезд не счесть.
Я знаю, способ верный есть:
Всего лишь надо с милой сесть
И до рассвета
Не отпускать ее руки,
Покуда тлеют угольки —
Вселенной вечной маяки,
Луной согреты.
И каждый раз, как сбился счет,
Забыв про завтрашний отчет,
Что время подлое течет,
Чтоб не вернуться,
Вдохнуть весны побольше в грудь,
В глаза влюбленные взглянуть —

Несмело, чтобы не спугнуть,
И губ коснуться.

****

На висках показалась проседь,
А на сердце — беспечный май.
Каждый день просыпаюсь в восемь,
Пью со «слоником» сладкий чай.
На работу спешу по пробкам
На мопеде среди машин.
На лице моем — смайлика скобка,
Что не свойственно для мужчин.
Душный офис встречает гулом,
Дымом дюжины папирос.
Наша сборная вновь продула —
Ей устроили тут разнос.
На рабочих местах не охнуть,
Вентилятор впустую жужжит.
Все коллеги мечтают сдохнуть,
Только я вдруг влюбился в жизнь.
Оптимизма мои излишки
Накрывают коллег волной.
«Сорокапятiletний мальчишка!» —
Я услышал вчера за спиной.
Улыбнувшись на эту фразу,
Я потер на висках серебро.
Я не старый еще ни разу,
Но ударил мне бес в ребро.
Не держу я в себе секрета,
И другим дать совет готов:
Улыбайтесь, на улице лето!
Не скрывайте свою любовь!

****

Пока ученые из ЦЕРНа и РосНано
Проводят время под мерцание экрана,
Без выходных, как пчелы, трудятся упрямо,
Пытаясь выудить загадочный бозон,
Земля вращается по замкнутому кругу –
Мужчина с женщиной встречаются друг другу.
И подвергает их любовному испугу
Крылатый проходимец Купидон.
Пока «ботаники» решают теоремы
О силе тока, циклах замкнутой системы,
Пока исписывают формулами стены,
Покуда вечно не хватает им доски,
Планета вертится, упрямая, как прежде,
Принадлежащая лишь вере и надежде,
Проста и вечна в своей облачной одежде,
Обутая в туманные носки...

****

Мир разноцветных красок,
Глянцевых ярких масок,
Импровизации джаза,
Смелых, лихих идей!
Дорога крутых подъемов,
Линий, фигур, объемов,
Мир без границ и законов!
Мир одиноких людей...
Мы познакомились ночью.
У кого-то, не помню точно.
Языками сцепились прочно,
Вместе встречая рассвет.

Ты, как и я, одиночка.
В личных делах – отсрочка.
Ты бы сдалась, но дочка...
В общем – зеркальный портрет.
Я предложил: «А если
Мы пойдем в этом мире вместе?
Ведь вдвоем завсегда интересней.
А захочешь – всегда уйдешь.
У меня никого нет в мире,
Только место в пустой квартире.
Сам я предан навечно лире».
Ты чуть слышно шепнула: «Что ж ...»
Жили мы по простым порядкам –
Не играть друг от друга в прятки.
И, хоть жизнь не бывает гладкой,
Было жаловаться нам грех.
Оба делали, что хотели,
Ночевали в чужой постели,
А наутро домой летели –
Делать вид, что счастливей всех.
У меня был роман с актрисой,
У тебя – с португальцем Патрисом,
Что тебя заграничной визой
Соблазнял. Ты была не прочь.
Ну а дома мы были парой.
Муж с женою и папа с мамой.
Не касаясь друг друга упрямо,
Мы совместно растили дочь.
А потом повернулось круто...
Ты вернулась опять под утро,
Раскидала все туши, пудры –
Португалия тебя ждет!
Этот мир настоящих красок,
Разноцветных и ярких масок,
Мир смешной тарантеллы и джаза!

Только я был, как идиот.
Ты встревожилась: «Что случилось?
Куда делась твоя игривость?
У меня наконец получилось
Завершить за любовь войну!»
Я уселся на край кровати,
Пряча взгляд, будто я предатель.
И сказал: «Извини, я некстати
Вдруг влюбился в свою жену»...

****

Паршивая осенняя погода...
Не стоит ждать хороших новостей.
Единственное право пешехода —
Промокнуть и продрогнуть до костей.
Теряя в грязных лужах свое время,
Не находя для радости причин,
Бредет она, обманутая теми,
Кто не достоин звания мужчин.
На ней пальто, поеденное молью.
В карманах — заваливающие гроши.
И не на гололед здесь сыплют солью —
На раны ее ветреной души.
Поверила тому, кто был так ласков,
Пока не ведал цвет ее белья.
Но кончилась очередная сказка.
И что там, впереди? Вокзал? Петля?
Жалеть себя не видно больше смысла —
Ну сколько можно верить мужикам?!
Смешалось все: приметы, даты, числа...
Споткнулась! Вдруг — надёжная рука.
Она стирает слезы рукавами.

А он... Да, впрочем, милый, как всегда.
И спрашивает: «Всё в порядке с вами?»
Она в тумане: «Нет... Конечно, да!»
И вот опять уже рискнуть готова,
Вписав главу чужую в свой рассказ!
В надежде, что на этот раз — по-новой —
Не так, как в тот, сто двадцать первый раз.

****

Похолодало. Листья съезжились,
На самом дне осела ртуть.
А мы с тобой так мало прожили.
Но столько пережили — жуть.
Похолодало. Ветер с севера,
В броню одеты облака.
У нас с тобой по лавкам семеро.
И сходство линий на руках.
Похолодало. Лужи скованы
Призывной коркой по утрам.
Друг другу небом мы дарованы,
Но мало все казалось нам.
Похолодало. Снег расходится,
Недалеко до снежных баб.
На нас обрушилась бессонница,
И наш с тобой союз ослаб.
Похолодало. Небо в крапинку
От мириадов ярких звезд.
Зашей в груди моей царапинку.
Согрей меня. Я так замерз...

****

Странный был вечер: в сквере на лавочке
С тобой разругались мы вдрызг.
Ты подарила мне сердце на палочке,
А я его сгрыз...
Между собой говорили лишь мельком мы,
Как герои веселых реприз.
Ты угощала меня карамельками
«Раечка» и «Барбарис».
Ты говорила, что хочешь в Италию,
Флорентийского выпить латте.
Я загляделся на бедра и талию
И утонул в декольте.
Свет погасили внезапно и затемно,
День так внезапно уплыл.
Я вспоминал, что же на дом мне задано,
Но прочно забыл.
Нас незнакомцы снабжали шкатулками,
В которых мне слышался джаз.
Мы зашагали во тьму переулками,
За руки крепко держась.
Странная ночь: на пустом подоконнике
С тобой разругались мы вдрызг.
Ты протянула мизинчик свой тоненький
И прошептала: «Мирись»...

****

Сорок пять ему, значит — старый.
И побит, говорят, Афганом.
Кое-как, но владеет гитарой.
В совершенстве владеет стаканом.

На лице — серебром щетина,
А пиджак — на локтях заплаты.
В целом — средненькая картина.
Плюс учительская зарплата.
Отчего же опять за партой
Не о том я пишу в тетрадке?
Я, как кошка в начале марта,
На кота люблюсь украдкой...
Он стоит у доски с указкой,
Близорукий, седой географ.
Я пишу, заливаясь краской,
Вывожу для него автограф.
Строчки — глупые, чувства — тоже.
Передать ли ему записку?
Весь ответ — он в мурашках по коже,
Едва он вдруг окажется близко.
Надышаться весною пьяной,
Утонуть в этой сладкой неге!
Быть сегодня его Татьяной,
Раз уж он для меня Онегин!
Побегу по пролетам лестниц,
У крыльца натолкнусь «случайно»...
И подальше от глаз ровесниц,
Чтоб двоим нам досталась тайна.
Но мечтам суждено не сбыться —
Оборвал меня голос строгий:
«Лизунова! Тебе «единица»!
Будешь знать, как мечтать на уроке!»

****

Я проклял столь любимый мною дождь
За то, что разлучил он нас с тобою.

Пускай хоть на одну всего лишь ночь;
Но в эту ночь и глаз я не закрою.
Все мысли мои заняты тобой
И рвутся поцелуями наружу.
Ты ангел мой, ты теплою рукой
Согрела мою раненую душу.
И кажутся нелепыми мечты,
Которые не высказать словами.
Ничто не важно, если рядом ты,
А я с тобой... и что-то между нами.

****

Ржавеет семафор, давно он без работы —
По старому пути не ходят поезда.
А он стоит один, как будто ждет кого-то,
Кому так верен был в минувшие года.
Подкошен старый столб из дерева сухого,
Под снегом не сыскать давно ни рельс, ни шпал.
А он стоит и ждет, что здесь проедет снова
Тот, кто ему вернуться обещал.
Зажечь бы красный свет, чтоб для судьбы-злодейки
Отныне был навек заказан этот путь!
Но он совсем один на всей узкоколейке,
Минувших дней, увы, никак нельзя вернуть.
Он раньше виден был за много километров,
И разные ему встречались поезда.
Теперь он рухнул в снег по воле злого ветра,
Не нужный тем, кому он верен был всегда...

****

Снег апрельский уже не холодный,
Пусть и ноги промокнут — не страшно.
Я гуляю, до солнца голодный,
Самолет запускаю бумажный.
Из листочка тетрадного сделан,
Он летит в небеса гордой птицей.
Будто летчик отчаянно смелый
Поспешает с войны возвратиться.
И с порывами теплого ветра
Он в обнимку над городом кружит.
Лишь чуть-чуть не дожив до рассвета,
Самолетик опустится в лужу.
Ветер тихую песню исполнит
Над героем — прощальные звуки.
Намокая, бумага утонет...
Но спасут его девичьи руки.
Развернут они листик бумажный
И разглядят неровные складки.
И подарит им летчик отважный
Голос свой, удивительно сладкий.
Он расскажет рукам, что с ним было:
«Как писатель в девчонку влюбился,
И приделал стихам своим крылья —
Самолетик бумажный родился.
Будет ждать он ответа годами,
Возвращения пилота-бродяги.
Вы ответьте одними губами,
Поцелуем коснувшись бумаги».
Он вернется домой однажды,
Поскитавшись немало в полете,
Гордой птицей с пилотом отважным,
С отпечатками губ, самолетик.

Содержание

Спор	4
Робот	18
Салют	33
Литейный цех	39
Бусыгин	49
Куриха — Лондон	53
Консервы	57
Струны молчат. И некому выпить	64
Мы судьбою обвиты... ..	64
— Тут нет, — говорил он, — асфальта... ..	65
Межсезонье царит в природе... ..	67
Мы целовались внутри старой арки... ..	68
Не за горизонтом — где-то дальше... ..	69
После глупой и вычурной ссоры... ..	70
Кто последний здесь? Эй, ответь, народ!	71
Я опаздывал... Помню смутно... ..	72
На вдохновение надежды нет — я пуст... ..	73
Достану я пижонский котелок... ..	74
Ты подарила мне тетрадь... ..	75
Беспечных дней пора прошла... ..	75
На висках показалась проседь... ..	77
Пока ученые из ЦЕРНа и РосНано... ..	78
Мир разноцветных красок... ..	78

Паршивая осенняя погода... ..	80
Похолодало. Листья съжились... ..	81
Странный был вечер: в сквере на лавочке... ..	82
Сорок пять ему, значит — старый... ..	82
Я проклял столь любимый мною дождь... ..	83
Ржавеет семафор, давно он без работы... ..	84
Снег апрельский уже не холодный... ..	85

Виктор Махров

Консервы

Верстка Сергей Наумов

Корректор Елена Печникова

Формат 145×215 мм. Тираж 200 экземпляров.

Издательство Print House.

Отпечатано в типографии Print House.
607060, Нижегородская обл., г. Выкса, ул. Вавилина, д. 10,
e-mail info@phpress.ru, *сайт* phpress.ru